

КРОКОДИЛ

№ 5 • 1994

ISSN 0130 • 2671

В этом номере вам улыбаются:

Эльдар РЯЗАНОВ

• Юрий НАГИБИН

• Михаил ПОЛТОРАНИН

• Алексей ПЬЯНОВ

• Татьяна и Сергей
НИКИТИНЫ

Телепередачи, киноленты
И стихи, что рад он сочинять,
И его визиты к Президенту
Надо благодарно принимать.

А. СИВИЦКИЙ.
Ю. ТИМЯНСКИЙ.

И. ЛОСОСИНОВ.

«ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЮМОРА — МЕРТВЫЙ ЧЕЛОВЕК»

М.К. Эльдар Александрович, позвольте напасть на вас посредством эпиграммы, написанной нашими постоянными авторами — А. Сивицким и Ю. Тимянским. Вот она:

Телепередачи, киноленты
И стихи, что рад он сочинять,
И его визиты к Президенту
Надо благодарно принимать...

С подковыркой, не правда ли?

Э.Р. А по-моему, очень симпатично. В наше время, когда большинство моих сверстников и коллег — по кино, телевидению, литературе — забыты и никем не вспоминаются, сам факт эпиграммы приятен. Одно то, что кто-то чего-то о тебе сказал — не важно, хорошо или плохо, — надо благодарно принимать.

М.К. Э-э нет, не уклоняйтесь от разящего удара: ваши интервью с Б. Н. Ельциным восприняты многими неоднозначно. Если первая передача была действительно «рязановская» — с юмором, теплая, живая, то вторая выглядела суше, официальнее, будто брал интервью не комедиограф, а допустим, В. Костилов.

Э.Р. У меня нет такого ощущения. У каждой из них были разные внутренние послы. Первую мы вообще собирались делать только о жене Президента, приурочив к Восьмому марта, и политики там был минимум. А вторая состоялась уже после октябрьских событий и поэтому оказалась наполненной серьезными, горькими вещами. Я задавал Ельцину вопросы, которые мало кто еще мог бы ему задать. И он, наверное, все-таки неплохо ко мне относится, если не послал меня подальше, а ответил на них терпеливо, хотя целый ряд затронутых проблем был ему явно неприятен. Но Борис Николаевич понимал, что я и он находимся по одну сторону баррикад.

М.К. Но небось потом президентский аппарат крепко поработал «ножницами», убирая все «нелицеприятное»!

Э.Р. Ничего подобного. Практически все отснятое вошло в передачу. Может быть, за исключением каких-то повторов. Во всяком случае, никакой цензуры над собой, никакого давления ни со стороны аппарата, ни со стороны Президента не было.

М.К. Даже гвоздь в стуле на кухне у Бориса Николаевича не просили «вырезать»?

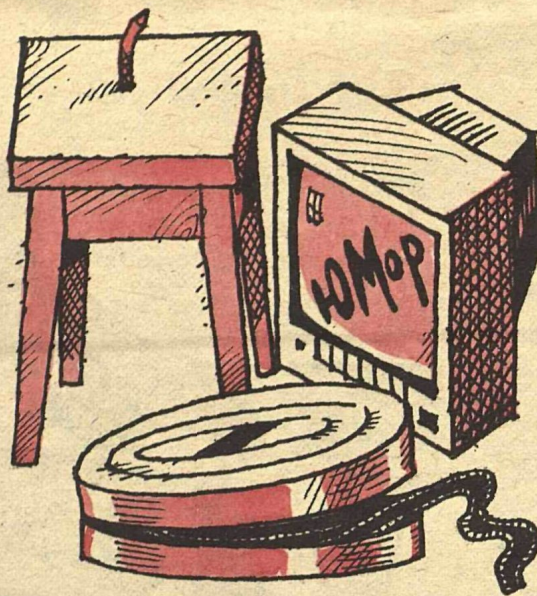
Э.Р. Абсолютно. Я был на съемке в новом костюме — кстати, американском, специально надел: все-таки с Ельциным встреча! — и вдруг чувствую: сижу на гвозде. Я человек, с одной стороны, импульсивный, а с другой — веду себя естественно, где бы ни находился. И подумал: какого черта должен терпеть этот гвоздь, если костюм новый, а мой размер очень трудно подобрать?! Вот и попросил заменить стул.

М.К. Будет ли третья беседа с Президентом?

Э.Р. Вряд ли. Не знаю. В конце концов я же не его «придворный летописец»... Вот удивительная вещь: у меня за последнее время по телевидению прошли интересные передачи — о Параджанове, о Лиле Брик, о Бастере Китоне, о Чарли Чаплине — но всех журналистов почему-то интересуют встречи с Президентом. Хотя передачу о Чаплине, например, я считаю намного выше — и по сюжету, и по нетрадиционным ходам, и по монтажу. Но журналисты спрашивают только о Ельцине. Это говорит неважно о журналистах!

М.К. Намек понял. Ничего, ваш выпад я отобью другой эпиграммой тех же авторов:

Он снимает фильмы интересные,
В них актеры самые известные,

Он и сам сниматься не смущается,
Если только в кадре умещается!

Э.Р. Бросьте: разве это эпиграмма? Это добродушный дружеский шарж. Печально от другого: вот уже год я кино не снимаю. После трагической прокатной судьбы моего нового фильма «Предсказание»... Произошел парадокс: в Париже он прошел очень хорошо, с успехом, весь город был обклеен рекламой. А в Москве и вообще в России картина практически не идет. По прокатным прогнозам, ее могут посмотреть у нас 100—200 тысяч человек. И это при том, что прежние мои ленты собирали по 40—50 миллионов зрителей ежегодно! И я уверен: пойди «Предсказание» во многих кинотеатрах, успех был бы немалым. У меня много осталось поклонников, и они пришли бы посмотреть. Тем более что я считаю этот фильм одним из своих лучших. Но как дойти до людей? Самое страшное — это глас вопиющего в пустыне. Мы делаем картины — их не видят, мы выпускаем книги — их не читают... Если раньше почти все заграничное было под запретом, то теперь оно вытесняет отечественное...

М.К. В том числе и в «Предсказании»: на главную роль вы взяли французскую актрису! Впрочем, за вами такой «грешок» замечен давно — раньше у вас снималась Барбара Брыльска...

Э.Р. Тут две разные истории. В «Иронии судьбы...» я пошел на это от отчаяния: не мог найти у нас подходящую актрису. После бесчисленных проб все они отпали: кто был недостаточно интеллигентен для роли учительницы, кто мало музыкален, кто не слишком обаятелен, кто без юмора... И тогда я вспомнил о Брыльской, которую любил по многим ее картинам... А в «Предсказании» вышло наоборот. Ведь сначала я написал одноименную повесть, напечатал ее в «Юности», затем она вышла отдельной книжкой, и я не знал, буду ли ее экранизировать. Но, увидев однажды фильм Кисловского «Двойная жизнь Веро-

ники» с Ирэн Жакоб, подумал: вот кто мог бы сыграть мою героиню! И когда в Париже была ретроспектива моих фильмов, специально попросил пригласить на нее эту актрису. Хотя, конечно, знал, что Ирэн с характером: снимается мало, все, что ей неинтересно, с ходу отменяет. Но тут она увидела мои «Небеса обетованные», и они ей так понравились, что Жакоб дала согласие сниматься у меня, даже не читая сценария, которого, кстати, еще и не было. Потом готовый сценарий перевели на французский, Ирэн его прочла и прилетела в Москву...

М.К. И что же, после «Предсказания» — год проста?

Э.Р. В кино — да. Тут должны совпасть три момента: творческий — найти сценарий, тему, сюжет, которые взволнуют; финансовый — получить деньги на картину; прокатный — быть уверенным, что фильм дойдет до зрителей. Сейчас я не нашел ни первого, ни второго, ни третьего... Занимаюсь пока только телевидением.

М.К. По этому поводу есть очередная эпиграмма:

Основательно и давно
Он заполнил широкий экран:
С телевидением и кино
У него служебный роман!

Э.Р. Благодарю за очередной комплимент. Действительно: роман с телевидением продолжаю крутить — делаю передачи о тех, кто мне интересен, кого люблю. Беседовал с актрисами, снимавшимися у меня, с молодыми телеведущими, с Борисом Васильевым, Василием Аксеновым, Юрием Левитанским. Сейчас готовлю цикл из шести выпусков о Юрии Никулине. Мы с ним давно дружим, он у меня снимался, я к нему в цирк водил дочку, внука... Человек он уникальный, замечательный, талант которого пришелся по сердцу всему народу.

М.К. А еще вы «травите» анекдоты в «Клубе «Белого попугая». Это ваша идея?

Э.Р. Нет. Просто несколько фирм, в том числе киевская фирма «Доверие» и газета «Собеседник», взялись издавать много томную антологию современного анекдота. Создали редколлегия в составе: Горин, Жванецкий, Задорнов, Никулин и я. Потом они сказали: хорошо бы в связи с выходом первого тома прорекламировать его на ТВ. И мы придумали этот клуб. Передача всем понравилась, сделали вторую. В это время телекомпания и издатели не ладили, и второй выпуск вышел уже без связи с антологией. Сейчас сделала третий, но в нем я не участвовал, потому что две недели провалялся в Grippe... «Белый попугай» получился занятным из-за его участников: собрались веселые люди, без претензий на «высокую политику», и смеются от души, сами получают удовольствие, помогают зрителям отдохнуть, развлечься...

М.К. А украинцы не обиделись на анекдоты про сало?

Э.Р. Во-первых, их рассказывал сам украинец — Мыкола Гнисюк. (А Леон Оганезов — армяские.) Во-вторых, обижаться на анекдоты смешно. Как известно, карикатура на тебя в газете — это высшая оценка твоей популярности. Вообще человек, который напыщен, надул, не понимает юмора, без юмора

НОВОЕ В «БИЗНЕС-КАРТ»

Некто Зарубаев, шахтер из Воркуты, отоварился в столичном магазине фирмы «Стокман», но вместо кредитной карточки предъявил продавцам фото-

карточку В. Черномырдина — для удержания с него необходимой суммы, объяснив это тем, что по вине правительства шахтеры уже давно сидят без зарплаты.

УДАР ПО МАФИИ

Милицией города Краснобабска схвачен крестный отец местной мафии, долгое время скрывавшийся от правосудия под видом воспитанника старшей группы детсада № 6 Николая Рогова. Для захвата мафиозо к садику были стянуты крупные силы милиции. Двое сотрудников в результате завязавшейся перестрелки получили рогаточные ранения. Начальник УВД заявил, что обезглавленная мафия вряд ли уже сможет оправиться.

ДОРОГОЙ ОЦОВ

Развивая идеи политической амнистии, объявленной Госдумой, ученики 2-й средней школы г. Носковска потребовали от своей администрации аннулировать все двойки по поведению, поставленные им с 21 сентября по 4 октября 1993 г.

С ЛУЧШИМИ ЧУВСТВАМИ

Известный в уголовном мире вор в законе Гвоздев (кличка «Гвоздь») по случаю 25-летнего юбилея своей преступной деятельности направил приветственные телеграммы в правоохранительные органы и выразил глубокую признательность стражам порядка за глухое равнодушие к своей особе.

КИНОАФИША

На экраны столицы вышел новый остро сюжетный приключенческий фильм «Побег молодого Бамбука». Режиссер — Анкл Бенс.

относится к себе, — мертвый человек. Это приложимо и к нациям. Если ты с юмором относишься к себе, то имеешь право смеяться и над другими.

М.К. Раз уж речь зашла об анекдотах, то, пожалуйста, ваш любимый из свеженьких.

Э.Р. Например, такой... Приходит человек с перепоя на подледную рыбалку. Начинает высверливать лунку. И вдруг слышит голос: «Тут рыбы нет!» Оглянулся — никого. Перешел на другое место, стал опять лед сверлить. И снова голос: «Тут рыбы тоже нет!» Человек в изумлении спрашивает: «Да кто ж это говорит?!» А ему репродуктор отвечает: «Это я говорю, директор катка!»

М.К. Смешно... А вас легко можно разыграть?

Э.Р. Да, несложно. Помню, когда мы делали документальный фильм об острове Сахалин, ребята из киногруппы прислали мне фальшивую телеграмму якобы от начальства из Москвы, что оно направляет ко мне оператора такого-то (все знали, что я его не просто терпеть не мог, но считал личным своим врагом!). Я бросился на почту, чтобы послать дирекции гневный протест, и меня с трудом перехватили по дороге, объяснив, что это был розыгрыш... А еще вспоминаю другой, трагический, случай. В той же группе был администратор, который накануне отъезда из Москвы подцепил у «Метрополя» девушку... как бы это сказать?... безотказного поведения. И влюбился в нее, задумал жениться, на тумбочке поставил ее фото, каждый день писал страстные письма. Но она ему, конечно, не отвечала — в силу своей занятости, очевидно... Мы решили друга спасти. Пересняли портрет и вручили копию одному артисту, который в тот момент с группой гастролировал на Сахалине. Он во время очередного выпивона подсел к нашему администратору, как бы невзначай вынул из кармана фотографию девушки и начал красочно расписывать, какая она в постели. Наш несчастный бросился к своей тумбочке, порвал портрет, на каждом клочке написал: «Ты б...!» — и послал в Москву своей возлюбленной... Вот так розыгрыш изменил судьбу человека.

М.К. А вдруг они были бы вдвоем счастливы?

Э.Р. Надеюсь, что нет. От такой мысли мурашки бегут по спине...

М.К. Не будем о грустном. Хотите еще эпиграмму?

Э.Р. Комплиментарную не хочу.

М.К. Хорошо, прочитаю язвительную:

Не в силах вне искусства жить,
Он служит многим музам сразу:
Поэтом мог бы он не быть,
Но режиссером быть обязан!

Э.Р. Да, насчет моих стихов многие прохаживаются. Несколько лет назад я отвечал так. В то время Роберт Рождественский вел по телевидению «Документальный экран», Андрей Вознесенский строил монумент в честь добровольного вхождения Грузии в царскую Россию, а Евгений Евтушенко снимал фильм «Детский сад». И я говорил: ряды поэтов очень ослабли, и мне приходится вместо них выдавать стихотворную продукцию; я поддерживаю поэзию, чтоб она не умерла; это мой гражданский подвиг, и к нему надо так и относиться... У нас в стране вообще традиция — люди искусства занимаются не своим делом, просто хлебом не корми! А чем я хуже?

М.К. Лет десять назад в интервью «Крокодилу» вы дали рецепт приготовления винегрета, с грецкими орехами. Не порадуете ли читателей новым каким-нибудь рецептом?

Э.Р. Сейчас делиться рецептами бестактно. И дело не в том, что нет продуктов — наоборот, можно купить все, — но отсутствуют деньги. А дать рецепт, как зарабатывать деньги, я не могу, потому что сам с удовольствием им воспользовался бы, если бы мне его дали.

М.К. Пожалуйста, даю: снимайте фильмы по произведениям крокодильцев и не пропадете!

Э.Р. Хорошо, я подумаю.

АНЕКДОТ БЕЗ БОРОДЫ

На избирательном участке:

— Ну и что ты думаешь обо всех этих кандидатах в мэры?

— Что я думаю... Да нам просто повезло, что пройдет только один из них!

Рассказал И. КОВАЛЕВ,
г. Москва.

На презентации рядом оказались банкир и актер.

Банкир. Стыдно признаться, но последний раз я был в театре лет пять назад.

Актер. Пусть вас это не смущает. Я вообще ни разу в жизни не был в банке.

Рассказала Е. СЕРГЕЕВА, г. Мценск.

П. КУЛИНИЧ. г. Сочи.

В. ЛУГОВКИН.

Все вышеизложенное — детский лепет перед боем с танком, который я провел примерно в то же время на съемках фильма «Предшественник» на опаленной многими войнами можайской земле.

Я приехал туда, как считалось, для работы. По обыкновению бледное, но сейчас непривычно серьезное, озабоченное лицо режиссера Калмыкова подсказало мне, что в группе неблагоприятно. Мне уже надо было бы привыкнуть к неизбежности и негибельности киноужасов: советское кино живет катастрофами, но я, мгновенно никнувший даже перед малыми бытовыми трудностями, расстроился и пожалел, что приехал.

Киногруппа нашла себе странное прибежище — что-то вроде монастырского подворья. Правда, монастыря тут не было, но небольшая нарядная церковь с золотыми луковичками имела, примыкая к сараевидному зданию странноприимного дома с высокими потолками, толстыми стенами, в которых прорублены узенькие окошки. Возможно, тут когда-то был монастырь, от него остались переоборудованные хозяйственные постройки. Это загадочное, давящее помещение усугубило мое невеселое настроение.

— Ну, что тут у вас? — спросил я Калмыкова, проходя следом за ним в отведенный мне номер-кейю.

— Матушка! — мимо моего вопроса большим голосом сказал Калмыков. — Вы не представляете, какое это чудо!

Калмыков недавно начал делиться со мной гаремом, именуемым съемочной группой и состоящим, за исключением второго режиссера и директора — внуков, сплошь из женщин. В материальном плане Калмыков был болезненно скуп, но в сексуальном — щедр. Незадолго до отъезда в экспедицию он прислал мне на дом — в мою одинокую минуту — костюмершу с такой сенсационной грудью, что в Америке она была бы миллионершей, а здесь радовалась бутылке водки с неприхотливой закуской и по-советски торопливому объятию на незастланном шершавом диване. Почему-то мы, не обремененные ни делом, ни ответственностью, ни заботой о помещении денег или укрывании доходов, ни поиском хоть какой-то выгоды, все время спешим. Может, это идет от ощущения неподлинности нашей жизни и надежды, что настоящая жизнь притаилась где-то рядом, за углом.

В нашу первую и пока что единственную встречу ничто не мешало нам: ее никто не ждал, и я был соломенным вдовцом, но она вдруг панически заторопилась, и я, тоже охваченный бессмысленным нетерпением, не только не удерживал ее, но принялся лихорадочно помогать сборам, уминая волшебные холмы в изнемогающий от постоянного напряжения лифчик. Мы расстались, угоревшись встретиться в экспедиции. Собственно говоря, я и ехал сюда «по груди». А Калмыков сбивает меня с толка, предлагая услуги собственной матушки. Такого цинизма я не ожидал даже от него. И к тому же она старуха. Но оказалось, Калмыков неповинен в эдиповом комплексе навыворот. Речь шла о матушке — жене здешнего священника. Он — старый хрыч, развалина, а она юная, прекрасная, с огненными глазами и вечно рдеющими скулами. Если уж Калмыков заговорил о женщине в столь возвышенном стиле вместо обычных полублатных банальностей, значит, матушка была и впрямь чудо.

Калмыкова всего трясло, ноздри его красиво раздувались, оттуда валил сухой жар. К этому времени он уже дал волю сладострастию, предав единственную — как окажется — за всю жизнь настоящую любовь, очаровательную, нежную Соню. Сейчас он был охва-

чен неподдельным пылом и все же в необъяснимой щедрости отдавал свою мечту. Как это по-русски!.. Вот оно то, что не понять умом, не измерить общим аршином. Сколько таинственного смирения в этом жесте, какая жертвенность! И сколько чисто русского безобразия: он же считает себя верующим, даже церковным человеком — внук сельского попа, но без малейшего колебания готов превратить храм в бардак. Что-то жало меня в этой истории, но, как русский, я не мог отказаться.

— Веди меня, искушитель!

Путь до матушки был таинствен, как до катакомбной церкви. Мы то опускались в подземелье по изъеденным временем ступеням, то возносились в глухие коридоры, то протискивались в сырые щели, чтобы оказаться в камен-

ложила их под затылок, словно голова стала тяжела ее шее. Может быть, все дело в том, что мы жили в разных ритмах, мы выпали из времени, она же пребывала в обычных временных координатах. Весьма вероятно, она сделала всего два-три быстрых движения, вполне безотчетных, какими человек, находящийся в одиночестве, предвзято не сложный целевой поступок. Она опустила руки и решительным шагом покинула комнату.

— Пошли, — сказал я Калмыкову. — Нельзя разрушать.

— Чего разрушать? — мгновенно спустившись с горних высей, насмешливо спросил он. — Семью?

— Нет, того, чего мы не знаем. Ее ауру.

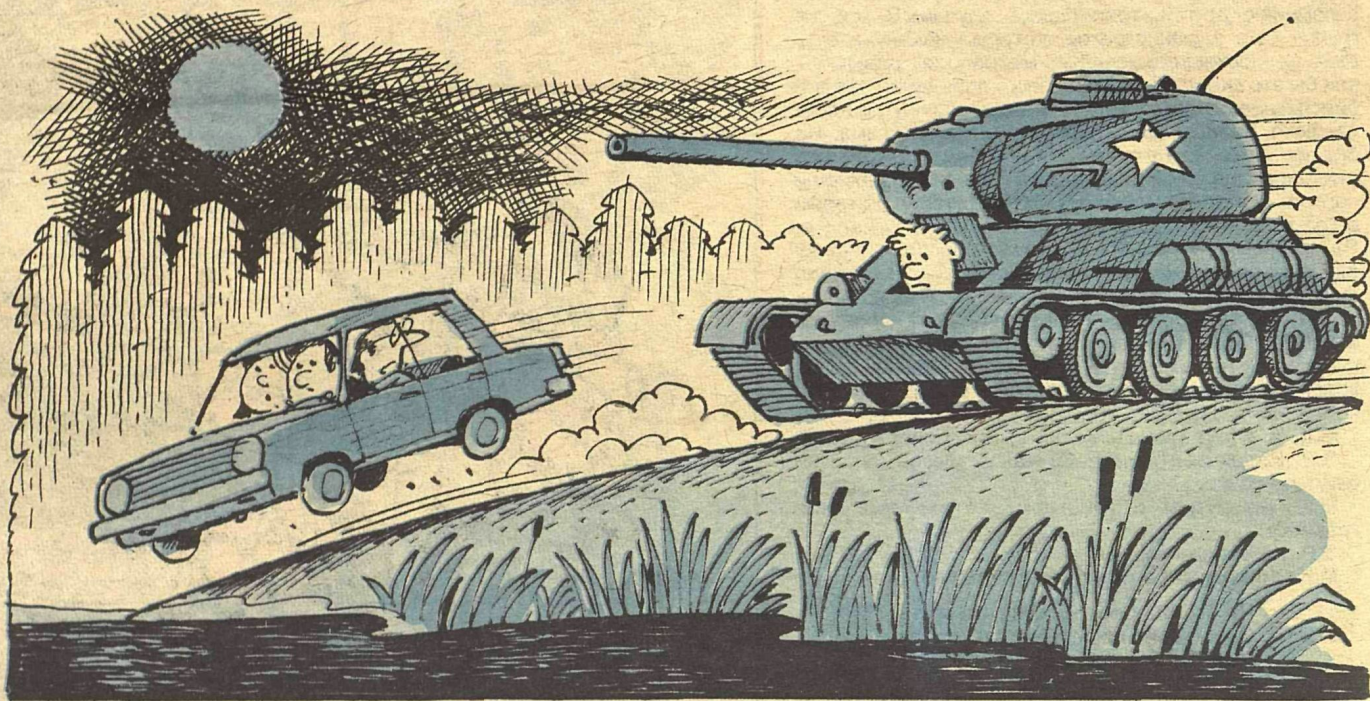
Калмыков был обормот, Стенька Ра-

Калмыков, нутряной реалист, хотел быть ближе к жизненной правде. После долгих препирательств мы решили поручить сцену хорошей и правдивой актрисе Варе Владимировой. Она отнеслась с пониманием к режиссерской задумке, но в реквизите не оказалось больших крестьянских женских штанов, а на Варе были деликатные мосторговские трусишки. «Зритель в них не поверит!» — горевал Калмыков. Я вспомнил, что в деревне бабы в страду вообще штанов не носят. Калмыков приободрился, напряг мысль, прикидывая эту сцену. «Нет, не выжу, — сказал он сокрушенно. — Нужна поэтичность. Задрала подол — удар, сдернула штаны — второй, смертельный».

Но тут произошло два события, которые отвлекли ищущую мысль режис-

Юрий НАГИБИН

Фрагмент повести «ТЬМА В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ» *

ОБЕЗУМЕВШИЙ ТАНК

ной западне, но мой Вергилий с уверенностью шел вперед, неизменно находя лаз, нужный поворот, и мы влеклись дальше сквозь завалы не различимой в полутьме рухляды, из прохода в проход, из клетки в клетку, где воздуха не хватало на глоток, и не понять было, как мы очутились в прохладной свежести деревянных сеней и в пугающей близости увидели Ее — высокую, статную, с гордо посаженной головой и матово-бледным лицом. Она стояла посреди комнаты и смотрела в нашу сторону, но почему-то не видела нас. Я помню каждую черточку ее благодатного облика, но память не удержала, во что она была одета. Она видится мне то в изумрудном штофном платье брюлловской красавицы, то в строго черном облегающем одеянии, как на матери «Безутешного горя» Крамского, то в белом подвенечном, как на печальной невесте в «Неравном браке». Наверное, она была в чем-то простом, скромном, вполне современном, а на плечах шаль. Незаметно, без малейшего шелеха осыпался песок вечности, время в нас остановилось. Я уверен, что мой спутник разделял это чувство. Мы даже не тайлись, но она нас не видела, поглощенная собственной самоуглубленной жизнью. Она стояла неподвижно, вперив черный горящий взор в какую-то бесконечно далекую цель, наделяя прозрачностью пустоты все, что оказывалось между нею и этой целью. Вдруг она резко повернулась, прошла по комнате, остановилась, закинула голову, подняла руки и по-

зин, но с какой-то пищалкой в груди. Беспечно относясь к земному существованию, он побаивался запредельного. Сколько раз слышал я его произвольный, детски испуганный бормот: а чего я сделал? Он отзывался неслышному голосу, нездешнему укору. Калмыков не знал, что такое «аура» (я — тоже), но чувствовал, что это принадлежит тому ряду, который он старался не задевать, находя достаточно увлекательного в зримых, земных очевидностях.

День завершился тусклой, проходной пьянкой. Ночевье было мучительным. Мне снились ужасные горные обвалы, я задышался, погубал, кричал и просыпался как раз вовремя, чтобы впрямь не задохнуться под громоздом упавшей на меня груди костюмерши. Все это было так ужасно после дневного видения, что я чуть было не уехал на другой день в Москву. Но, конечно, не уехал, а отправился в деревню на съемки.

Калмыкову хотелось снять сцену, которая давно уже тревожила его творческое воображение, он не раз просил меня дописать ее, но я так этого и не сделал. На каком-то съезде Сталин рассказал о своей встрече с колхозниками только что созданной артели. Темная и воинственная баба, не понимавшая преимущества коллективного труда, задрала подол и, выставив свое непомерное женское естество, гаркнула: «Вот тебе твой колхоз!» Помня о ночном кошмаре, я предложил Калмыкову заменить «сад пыток и страстей» грудью костюмерши, эффект будет еще сильнее. Но

сера. Первое — бухгалтерша привезла мне положенную авторскую зарплату за два месяца, в связи с чем был объявлен банкет для всей съемочной группы, и деньги, не коснувшись моих рук, ушли к организаторам пиршества. Второе — Калмыкову подали танк. Мне предстояло оценить его водительское умение.

Никаких танков в моем сценарии не было в помине, но появление мощной «тридцатьчетверки» меня не слишком удивило. С таким же успехом мог возникнуть паровоз, самолет, порталый кран, омулевый невод, водолаз в скафандре, понтонный мост или кордебалет в пачках — в зависимости от пристрастий режиссера. Калмыков по годам не мог участвовать в Отечественной войне, в нем остался неизжитый мальчишеский героизм: обожал ножи, стрелковое оружие, военные песни. На «Мосфильме» находился в простое тяжелый танк, Калмыков затребовал его к себе. Танк прибыл и замер на краю вязкой пашни, а танкист включился в напряженную жизнь группы с ежевечерним пьянством и ухаживанием за красавицей гримершей. Эта молодая женщина, избалованная вниманием кинограндов, не хотела задерживать ленивый взгляд своих серо-голубых с поволокой на скромной фигуре танкиста. Он страдал и завивал горе веревочкой. Калмыкова осенило: чтоб не ржавела даром техника, научиться водить танк.

Он за неделю овладел этой не очень хитрой наукой — водить танк куда

* Полностью «Тьма в конце тоннеля» вместе с повестью «Моя золотая теща» выходит отдельной книгой в независимом издательстве «ПИК» (Москва).

легче, чем машину, — и с блеском продемонстрировал мне свое умение. К сожалению, он перестарался и, захав слыхом далеко в набухшее дождевой влагой поле, застрял. Пришлось уступить штурвал сержанту, а самому возвращаться пешим ходом по колено в грязи.

Радужное настроение режиссера было подпорчено, это обернулось яркой дракой между ним и директором картины в финале застолья. Банкет проходил посреди пустого скотного двора, заброшенного после очередной перестройки громадного нищего колхоза, тут же разыгралась и битва.

Спровоцировав драку, Калмыков вскоре спохватился и, будучи моложе и сильнее своего противника, стремился не отлупить его, а утихомирить. Но директор Захаров с серебряным кланом в пробитом пулей горле был бесстрашным бойцом и, получив урон в начале схватки, яростно пер на рожон. Он разорвал в клочья рубашку на Калмыкове, и тот сбросил мешающие лохмотья. При полной луне, вставшая над опустевшим скотным двором (второй режиссер увел группу за ворота потанцевать под баян, на котором играл влюбленный танкист), шла эта полуантичная схватка, где Калмыков с обнаженным, молочно-светящимся торсом уклонялся от ударов седовласого воина — глубокие лицевые морщины казались рассеками меча, а в горле звездой сверкала серебряная кнопка. Это было энергичное и на редкость пластичное зрелище, а недвижное тело пьяного осветителя посреди двора придавало ему величие боя над телом Патрокла.

Наконец Калмыкову удалось скрутить противника, повалить на землю и придавить коленом.

— Может, хватит? Что вы, шуток не понимаете? Предлагаю разойтись.

— Ладно, — прохрипел Захаров из своей серебряной кнопки.

И как-то без перехода мы опять оказались за столом: полуголый Калмыков, суровый Захаров и вся остальная группа, мгновенно прекратившая танцы, как только услышала слабый звон бокалов. Только за воротами не столь душевно подвигивший танкист доигрывал «Дунайские волны».

Захарова усадили возле меня. Это было сделано не случайно. Калмыков наклонился к моему уху:

— Скажите, что он здорово дрался. Ему будет приятно.

Мне понравилось его великодушие, и я поздравил директора с победой.

— Надрело терпеть хамство, — небрежно бросил изрядно помятый победитель.

Я провозгласил тост за его здоровье. Все выпили. После чего довольно странный тост предложил за меня второй режиссер.

— Своим сценарием автор всем нам поставил пистон. Выпьем за нашего пистонного папу!

Тост был принят с энтузиазмом.

— Ой, как здорово сказано! — воскликнула гримерша.

Я посмотрел в ее серо-голубые с поволокой и дал себе слово оправдать высокое звание...

То ли я на какое-то время отключился, то ли часть вечера ушла из памяти. Я снова помню себя уже за пустым грязным столом, луну выключили, и двор погружен в темень, никого нет, меня бросили на произвол судьбы. Следующая ступень опаматования: я обнаруживаю, что не брошен — со мной Калмыков, гримерша и мой шофер. Остальные отправлены на квартиры, в том числе бывшая фаворитка. Умница Калмыков догадался, что время Лавальер кончилось, начинается эпоха госпожи де Монтеспан. Мы все не заметили, что остался еще один человек, который вскоре дал о себе знать.

Мы тронулись в обратный путь. Калмыков сидел рядом с шофером, мы с миллой — сзади; опустив пушистые ресницы на серо-голубые с поволокой, она дремала на моем плече. Была классическая ситуация для кровавого дорож-

ного происшествия: тяжелый рассветный час после бессонной пьяной ночи, усталый и не крепкий к вину водитель, перебравшие, сонные, утратившие бдительность пассажиры, плохая дорога.

Собственно, дороги вообще не было. Шоссе от колхозного угодья, где мы сеяли неразумное, недоброе и невечное, почти до самого Можайска было перекрыто в связи с ремонтом, который никогда не кончится и вроде бы даже не начинался, и весь транспорт корячился на глинистой, будто гофрированной полосе, тянущейся между обочиной и опушкой леса, на ней было ни разъезжаться, ни развить скорости.

Все, находящиеся в машине, как-то очень быстро сморились и задремали, включая водителя. Первым очнулся я. Увидел впереди показавшееся оранжевым небо — этот дикий оттенок сообщили нежной розовости восхода мои проспиртованные глаза, испытал знакомую всем пьяницам ознобную дрожь, от которой не спрячешься, ибо она идет изнутри, попытался смочить наждачным языком пересохшую полость рта, ощутил что-то милое у левого плеча и в нем возможность возрождения, умлился круглому затылку Калмыкова, прикорнувшего на плече дремлющего шофера, и тут, словно пробки вылетели из ушей, я услышал грозный, настаивающий рев тяжелого мотора позади нашей машины.

Я оглянулся и увидел в заднем стекле преследующий нас танк. Рассвет еще не достиг запада, в бредовой полумгле танк, и без того большой, казался громадным, как собор, и этот металлический, иссиня-стальной — такой тон обрел сейчас защитный цвет — собор неудержимо надвигался, чтобы раздавить жалкую коробочку нашей машины, сжевать ее гусеницами со всей начинкой.

Я растолкал Калмыкова, попутно помешав сну шофера. С упорством идиотического благодушия Калмыков, посмеиваясь, уверял, что нам ничего не грозит: Вася-танкист — чудный парень, телок, аккордеонист, золотая душа.

— Он раздавит нас! — вдруг дико закричала гримерша.

Она глядела в заднее стекло, вытаращив от ужаса свои серо-голубые с поволокой. Ее крик отрезвил Калмыкова, он мгновенно просчитал ситуацию и понял, что дело пахнет керосином.

— Прибавь, — нарочито небрежно бросил он водителю.

Испуганный Батуриг газанул. Нас повело, колеса пробуксовывали на мокром песке. Он справился с заносом, но прибавить скорость не удалось.

Танк приближался, он грохотал над ухом.

— Спишь, твою мать! — выдав свой страх, заорал Калмыков. — Пусти меня за баранку!

— Не надо пьянь в танк сажать, — огрызнулся Батуриг.

Он был хороший, опытный шофер, но на этой дороге быстрее не поедешь. Калмыков распахнул дверцу, вывалился из машины, вскочил и кинулся навстречу танку, размахивая крест-накрест руками. Танк не остановился, и Калмыков едва успел отскочить в сторону. И тут у нас появился шанс: справа к шоссе подходила бетонка, если мы успеем свернуть, уйдем от танка.

Не успели. Он настиг нас сразу за поворотом, куда вписался с пронзительным скрежетом, и ударил в зад машины. Мы взлетели на воздух. Вокруг было только небо, и мы унеслись в оранжевый отсвет золотого чертога вечности. Мы не попали туда, не одолев земного притяжения. Теперь повсюду был зеленый ворс травы, и мы мягко врезались в болотистую топь. Это нас и спасло. Чтобы выбраться наружу, мне пришлось перелезть через лежащую кулем гримершу.

Танк стоял, вид у него был удовлетворенный. К нему, хромая, приближался Калмыков. Я опередил его. Когда я взобрался на гусеницу, крышка башни приподнялась и показалась макушка, а там и ошалелое лицо танкиста. Несколькими ударами я вогнал его назад, но, успев ухватить за шиворот, вытащил

наружу и повторил обработку. На этот раз я его упустил, отвлеченный криками Калмыкова.

— Это мой человек, — вопил режиссер. — Я должен его кончить!

Я боялся, что танкист больше не появится, но он вынырнул, как будто что-то выталкивало его оттуда. Экзекуция повторилась. Он успел опереться о край люка и выпростать верхнюю часть туловища. Это дало ему некоторую свободу, но сопротивления не получилось, я был в лучшем положении и слишком разъярен. Прикрыв руками разбитое лицо, он снова провалился в нутро танка, как в преисподнюю.

Тут только я сообразил, что надо было выпустить его и продолжить разборку на земле, ибо ничто не мешает ему сейчас повторить нападение и додавить беспомощную машину. Правда, его целью были люди, а не техника. Калмыков казался встревоженным. Он тоже влез на танк, заглянул внутрь, долго всматривался и вслушивался.

— Плачет, — сказал успокоенно.

Танкист так и не показался, пока мы ждали проезжий грузовик, чтобы вытащить машину. Потери оказались не столь велики, как можно было ждать по силе удара: перерублен ровно посередине задний бампер, там же вмятина, погнуто крыло, поцарапана дверь. Мотор и ходовая часть уцелели, мы самостоятельно добрались до гостиницы, я даже успел воспользоваться последним усталым светом серо-голубых с поволокой.

А наутро обнаружил, что потерял в бою часы. Они были на кожаном ремешке и сорваться не могли, очевидно, я перерезал ремешок об острый край люка.

Я так расстроился, что тут же собрался в отъезд. Поездка оказалась слишком накладной: двухмесячная зарплата, часы «Омега», бампер, жестяные работы и моральное потрясение. Калмыков был безутешен.

Вечером он взял «козла» и поехал искать мои часы; то был рискованный поступок, поскольку он обладал опытом вождения лишь танка. Тем не менее он благополучно добрался до места происшествия, увидел развороченную землю, траву, еще хранящую след машины, выщербины от гусеничных траков. Он завел «козла» в кусты, чтобы не привлекать внимания дорожной инспекции, и занялся поисками. Обшаривая засохшую грязь, он с ужасом услышал знакомый, слишком хорошо знакомый, грохот приближающегося танка. Его не было ни на съемочной площадке, ни на можайской базе, но Калмыков не тревожился, полагая, что танкист зализывает раны. Сейчас он сильно перетрусил: не иначе, танкист его выследил, чтобы покарать за сводничество. Но откуда тот мог знать, что он поедет искать часы? Значит, это звуковая галлюцинация, а Калмыков, как уже говорилось, терял всю свою смелость в близости потусторонних сил. Тут он почувал вонь соляры и немного успокоился — слишком много реальности для видения. Но береженого бог бережет, и он спрятался в придорожных кустах.

Танк, огромный, горячий, вонький, подъехал к перекрестку, свернул по-давшнему резко, со скрежетом и остановился. Крышка люка откинулась, вылез танкист с опухшим лицом, огляделся и спрыгнул на землю. Он повел себя так же, как Калмыков, стал обшаривать землю вокруг танка, откидывая сухие комья грязи, разгребая прах. И в какой-то миг острым звериным чутьем уловил присутствие постороннего. Калмыков, явив не меньшую чуткость, догадался о его угадке и вышел из укрытия. Он боялся танкиста, лишь пока тот сжимал штурвал или был духом.

— Вы что тут делаете? — испуганно спросил танкист.

— А ты что тут делаешь? — властным режиссерским голосом спросил Калмыков.

— Ищу фикса, которую сшиб Петр Маркович.

— А я ищу часы, которые потерял

Петр Маркович.

Удостоверившись во взаимной неопасности, режиссер и танкист продолжили искать до наступления темноты и даже позже, под свет фар, но так ничего и не нашли.

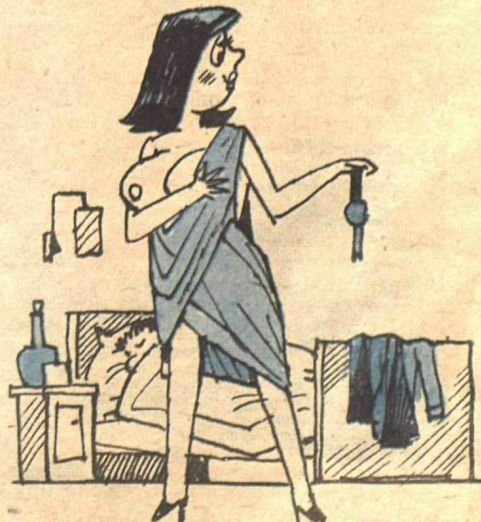
— Ты особо не переживай. — Обормот в Калмыкове пожалел хулигана в танкисте. — Петр Маркович капать не будет.

Я и не капал, но скрыть происшествие не удалось. Не знаю, кто протрепался: Калмыков, гримерша или сам танкист по пьянке, но в «Мосфильм» пришла «телега». Славную «тридцатьчетверку» отозвали в Москву. Танкист покинул базу, но далеко не уехал. В первые две ночи слышалось отдаленное рычание мотора, словно тигр вызывал самку, а затем горестные взвои прекратились. Но в Москву танк не пришел, он пропал. Те, кто читал «Взятие Великошумска» Леонида Леонова, помнят рейды нашего танка по тылам врага. Здесь эта история повторилась, только шуровал танк в собственном тылу, но был так же дерзок и неуловим. А уловить его пытались. После неудач местных властей из «Мосфильма» выступил конный полк. Эта привилегированная часть предназначалась для съемок, а кроме того, в ней комфортно отбывали действительную дети и родственники видных кинематографистов, которых не удалось почему-либо освободить от военной службы.

Войско повел однофамилец героя 1812 года старший лейтенант Голенищев-Кутузов. Командующий привязали к седлу, поскольку за делами и заботами многими — он по-суворовски брал пробу из солдатского котла, а также из тех разносолов, которые присылали кавалергардам из дома, «Арагви» или «Узбекистана», — не пренебрегал и солдатской чаркой. Голенищеву-Кутузову предстояло обогатить военную науку новаторским боем кавалерии с танком, но он никак не мог обнаружить противника в грустных подмосковных просторах.

Обезумевший танк метался по можайской земле: сегодня его видели возле закуской на Бородинском поле, завтра у новорусской пельменной, целые сутки он курсировал между лесным баром под Тучковом и рестораном станции Дорохово; он уже приближался к пивному ларьку в Одинцове и вдруг сделал резкий бросок на запад, к «Голубому Дунаю» Вереи, где увидела свет Зоя Космодемьянская. Здесь его и взял хитрым маневром: пока танкист пил свои боевые сто граммов под сардельку, спешившие конники Голенищева-Кутузова отрезали его от танка, спрятавшего за кухонной помойкой. После ожесточенного сопротивления сержанта скрутили и доставили в Москву. Танк пригнали позже. Танкист не попал под трибунал, ибо оказался внучатым племянником домработницы режиссера Ивана Пырьева. О его дальнейшей судьбе мне ничего не известно, а танк до сих пор ржавеет на машинном дворе студии.

О часах «Омега». Оказывается, я зря грешил на танковый люк. Часы сняла с меня, спящего, на память, одарив поцелуем и прощальным взглядом серо-голубых с поволокой, гримерша-изменница...

ДУМА ДУМАЕТ...

ИЗ ПАРЛАМЕНТСКИХ СТЕНОГРАММ

БИКАЛОВА Н. А.: Я приветствую многопартийность Думы, она меня не пугает, потому что даже на лугу именно разнотравие создает отличный букет... Так давайте же сплетем общий веночек добра, сотрудничества и красоты...

ТРАВКИН Н. И.: Господин Травкин вообще может не выходить на трибуну, ему не нужно, как господину Затулину, знакомить с собой страну. Меня и так хорошо знают.

ГЕРБЕР А. Е.: Я очень прошу всех быть точнее в своих заявлениях и даже может быть, точнее в своих оскорблениях. Это тоже важно.

ЖИРИНОВСКИЙ В. В.: Господин Чубайс, вы это будете показывать в камере в «Лефортово». (Чубайс показывал на часы.) В камере будете показывать, чтобы вам дали обед.

ШАХРАЙ С. М.: Если не быть очень скромным, то я вынужден сказать, что по профессиональным качествам лишь два человека сегодня готовы к этой роли (спикера): Лукьянов Анатолий Иванович и Шахрай Сергей Михайлович (аплодисменты)... Но я, во всяком случае, свою кандидатуру снимаю.

СЫЧЕВ С. В.: Я член Счетной комиссии и довожу до сведения всех депутатов, что коллега Шабад из «Выбора России» личной печатью с американским гербом подтверждал опечатывание урны. Таким образом, хотелось бы проверить его на предмет российского гражданства — может быть, он американец.

ЖИРИНОВСКИЙ В. В.: Учитывая, что пока в Правительстве есть такие, как Козырев, Чубайс, Гайдар и Федоров, и небольшая часть, буквально 30 процентов депутатов, и каждый день видеть их глаза и лица — это будет сказываться отрицательно на моем здоровье (а мое здоровье нужно всему русскому народу, который не картавит и не имеет двойного гражданства), я временно снимаю свою кандидатуру и ожидаю выборов Президента России. А уж потом я с вами поговорю.

ШАХРАЙ С. М.: Уважаемый председательствующий, уважаемые депутаты! Наш парламент может перейти на хозрасчет, если будет продавать билеты на выступления Владимира Вольфовича...

Наш думский корр.

МАРЫЧЕВ В. А.: Я хочу спросить у каждого депутата: была ли наяву дата 12 декабря 1993 года? Я думаю, что такой даты просто не было... Кто появлялся на экране? Гайдар, Чубайс, Федоров... Это действительно такая прослойка, что на них любо-дорого смотреть... А вспомните, что было в воскресенье по телевидению. Наши с вами внуки, дети с утра танцуют канкан.

ОСОВЦОВ А. А.: Я хочу заявить коллеге Марычеву, что мои дети канкан не танцуют. Но если чьи-то дети танцуют канкан, может быть, его, то в этом-то Чубайс точно не виноват.

ГУСМАН Ю. С.: Примерно 20 раз в день выходит на трибуну депутат Марычев. То ли он сам так устроен, то ли нет дисциплины в партии. Я предлагаю: создать в парламенте «Час Марычева», чтобы он высказал все, что у него наболело.

МОЛОСТВОВ М. М.: Уважаемые господа думцы! Я обеспокоен положением Гос. Думы... В конце концов из-за хамства и глупости Хасбулатова была закончена деятельность Верховного Совета... Беда заключается в том, что сейчас выбран был Рыбкин. Я не голосовал за него. Он вежлив с нами... и мы начали разговаривать тоном диктатора.

МАРЫЧЕВ В. А.: Пока нет Гусмана, я пришел. Когда ведет заседание представитель ЛДПР, все в порядке.

ШАБАД А. Е.: Один из главных недостатков парламента предыдущего, который переносится на наш представительный орган, — это капризность и непостоянство коллективного ума.

ВЕНГЕРОВСКИЙ А. Д. (Шабаду): Я не понял иностранных слов, которые вы произнесли. У нас было принято решение говорить все-таки по-русски.

— Господи! Ты создал мир из хаоса. Помоги Украине!
— Э, разве тогда такой хаос был!

А. ВАСИЛЕНКО, «Перец», г. Киев.

С. ФЕДЬКО, «Перец», г. Киев.

Корреспондент. Михаил Никифорович, находится ли в вашей серьезной жизни место шутке, розыгрышу, в том числе и в служебное время? Расскажите что-нибудь смешное «от Полторанина».

Полторанин. Без шутки и юмора жить трудно, а сегодня вообще невыносимо. Я считаю, что человек с юмором — жизнестойкий, жизнеспособный. Он может работать и в «Крокодиле», и министром. Когда ты пытаешься решить какие-то проблемы, а тебе «дают по мозгам», то, конечно, только чувство юмора спасает и позволяет идти дальше. Я и работников пытаюсь подобрать с чувством юмора.

К. Выходит, и государственной службе шутка не помеха? Иногда обернуть все в шутку — это найти верный путь к результативному разговору?

П. Да, например, с Президентом наши разговоры бывали начинены шутками. Он юмор ценит. Юмор у него, можно сказать, «на вооружении». К примеру, 19 августа 1991 года, во всем известный день, юмор сослужил хорошую службу. А было так. Под утро 19-го, где-то часов около шести Борис Николаевич собрал всех нас у себя на даче.

Как собирал? Охранник ходил по дачам, стучал в окна. Как пастух будит хозяек — коров выгонять. Пришли Хасбулатов, я, Собчак приехал, и другие подошли. Сидим, готовим обращение к народу. Обстановка, конечно, напряженная. Но дача есть дача. В комнате, где мы работали, на подоконниках нарезанные яблоки лежали. Наина Иосифовна загодя нарезала их и разложила подсушить. Мы писать-то пишем, а на яблоки поглядываем: аппетитные, пахнут-уют, да и есть хочется. Борис Николаевич говорит тогда: «Давайте воспользуемся моментом, под шумок. В другое время Наина Иосифовна нам их ничем не даст». Разрядка, смех, яблок будто и не бывало, а напряжение ушло, и обращение быстро закончили.

К. Наверное, у вас и в семье царит шутейная, легкая атмосфера?

П. У нас порода такая. Я жил на Алтае. Деревня называется Белый луг. Я там родился. Деревня утопает в черемухе, две речки, одна в другую впадает. Народ веселый. Приедешь в гости к тете Соне, она тебе что-нибудь подаст, например, мед, квас или что другое и обязательно какую-нибудь прибаутку ввернет. Розыгрыш устроит. Не обидный, конечно. Там чувство меры всегда знают. И, естественно, сыновья у меня шутки ценят. Особенно младший, он меня подковыривает постоянно, держи ухо востро.

Вот помню случай. По соседству со мной жил мой хороший знакомый, Владимир Петрович. Я к нему хаживал в шахматы сразиться. И вот как-то сидим, играем. Вдруг телефонный звонок. Голос строгий такой, с грузинским акцентом. «Мы знаем, Владимир Петрович, что Михаил Никифорович у вас. Его разыскивает большое начальство. Передайте ему, что через 15 минут за ним зайдет машина, чтобы он был готов».

Владимир Петрович потрясен: «Слушай, — говорит, — ну, за тобой следят — понятно. А как я «под колпаком» оказался?»

АНЕКДОТ С

Лекция по этике. Профессор:

— Молодые люди, если вы заметили, что у девушки на ягодице нитка, вы должны сказать об этом тактично. Например: «Девушка, у вас на плече нитка!» Она посмотрит на плечо, потом ниже — и увидит.

Студентка тянет руку вверх:

— Профессор, у вас на галстук молния расстегнута!

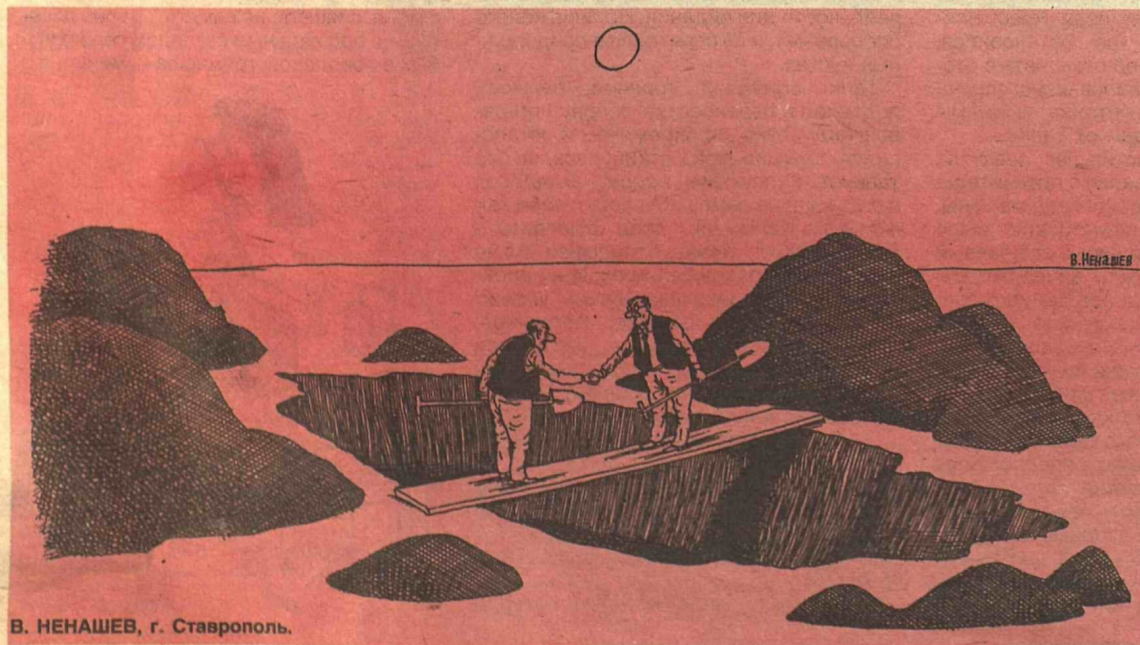
⊙ ⊙ ⊙

— Ах ты, пьяная скотина! Если бы я была в таком состоянии, я бы застрелилась!

— М-маша! Если бы ты была в моем состоянии, ты бы п-промахнулась!

Нынче в России самые свободные — цены да преступники.

Алексей МУТОВИН, г. Екатеринбург.

В. НЕНАШЕВ, г. Ставрополь.

Михаил ПОЛТОРАНИН:

«КОМУ
НУЖНО
КРИВОЕ
ЗЕРКА-
ЛО?»

В это время опять звонок. Тот же голос, с акцентом: «Вы еще сидите с Полтораниным?» — «Да, сидим». — «А зря сидите. Пусть папа домой идет». Владимир Петрович аж зашелся: «Ах, Костя, ах, паршивец...» Косте в то время было всего 12 лет.

К. Вы работали вице-премьером, министром, руководителем ФИЦ. Ваши перемещения по служебной лестнице сопровождали смешные факты?

П. Сопровождали. Но часто смех был сквозь слезы. Приятно из этих времен вспомнить другое. Я-то охотник. Выбрался единственный раз за десять лет на охоту. На кабана. Взяли собаку лайку. Мы должны были ее пустить по следу и ждать. Мы — с ружьями на изготовку. Час ждем, другой. Ни лая собачьего, ни кабана. Потом смотрим, едет человек на лошади и спрашивает: «Это чья там собака?» И к этому все причитающиеся слова добавил. Оказывается, мы своего Джульбарса послали по делу, а он тут же кинулся гоняться за сучками в деревушке, которая была рядом. Всю деревушку переполошил. Всех сельских собак на ноги поднял. А я с ружьем жду, когда Джульбарс погонит кабана... Так и в нашей работе: пошлешь человека на какое-то серьезное задание, сам сидишь ждешь, весь в напряге, а результат похой.

К. Какой должна быть наша пресса и каким вам видится журнал «Крокодил»? Вы подписчик его? Что вы в нем охотнее читаете?

П. Я начал выписывать журнал «Крокодил» еще в армии. Это было в 1959 году. Позднее, в 70-е годы, даже присылал темы для рисунков, миниатюры. Не-

которые печатались. В то время я работал в «Казахстанской правде» в отделе фельетонов и сотрудничал с «Крокодилом», который был для меня мерилом профессионализма.

Мне нравится добрый юмор. Но должна быть и сатира, сарказм. В «Крокодиле» же все расставлено по своим местам. Конечно, «Крокодил» переживает сегодня не лучшие времена. И я мечтаю, чтобы «Крокодил» опять выходил три раза в месяц. И выпускал свои приложения. У меня до сих пор есть, по-моему, штук пятьдесят книжечек этой серии. Я считаю даже, что жил в юности на уроках «Крокодила» и это помогало мне устоять в жизни.

К. Уж не хотите ли вы сказать, что воспитаны «Крокодилом»?

П. Да, а что? Когда о серьезных проблемах, о которых хочется кричать, изящно сказано и одновременно с убийственным смехом — это мастерство.

К. Кого из сатириков и юмористов всех времен и народов — пышная такая фраза — вы любите?

П. Это тривиально будет сказать, что мне очень нравится Жванецкий. Миша Жванецкий. Конечно, импонирует Задорнов. Его интеллигентность... А к классикам я прежде всего отношу Зощенко. У меня все его сочинения. Старые издания. Есть Исаак Бабель, Ильф и Петров, многие другие... Люблю О. Генри. Его я читаю — отдыхаю. А Бернарда Шоу читаю — наполняю себя. Заставляет думать.

Статьи, с О. Генри связана забавная история. У нас в семье был толстый сборник О. Генри. А мы жили с сестрой в бараке. Дверь была обита дермати-

ном, я засунул книгу в дырку в обшивке, чтобы спрятать от сестры. Она ищет и не находит, ругается. А я беру О. Генри и иду в школу. Там из-под парты читаю. Вот однажды я собираюсь в школу, сестра крутится на кухне. Я тайком от нее быстро сунул руку за дерматином, взял книжку, положил ее под ватник и пошел. Достал в школе, раскрыл, а это «История КПСС». Сестренка выследила меня, нашла О. Генри, вытащила и заменила «Историей КПСС».

К. Михаил Никифорович, Комитет по информационной политике и связи, который вы возглавляете, намерен влиять на улучшение экономической стороны жизни прессы. Верите ли вы в успех?

П. Я мало верю в успех. Но иногда делаешь дело, даже если кажется, что оно обречено. Ведь не делать, опускать руки — это и вовсе губительно. А вот если у Комитета кнд его деятельности будет хотя бы как у паровоза, где-то 5%, то мы все-таки поможем прессе. От нас, от Комитета, конечно, зависит помощь, и мы сделаем все, чтобы создать фонд для независимого существования прессы.

К. А почему Комитет равняется на паровоз?

П. Да потому, что если Комитет раскоцегарится на полную катушку, то Дума может дать проекту задний ход. Там лоббисты других направлений, других отраслей. Поэтому при прохождении нашего проекта через Думу от него могут оставить рожки да ножи. Хорошо, если кнд нашего проекта удержится на уровне паровозных 5%. И то будет польза. А если уж 20% или 30% от задуманного удастся, то это будет прекрасно. Вот вы спрашивали о наличии юмора в моих отношениях с правительством. Юмор состоит в том, что как только открывалось заседание президиума правительства (начиная с весны 1992 года, так называемого «гайдаровского»), то первый вопрос — «о поганом поведении прессы». И сразу все смотрят на меня. «Это не так показали», «того не так высветили», «о реформах не так рассказали».

Не успел в Думу прийти, и в первый же день опять: «о поганом поведении средств массовой информации». Пресса такая-сякая. Все нас не любят. Почему? Да потому, что мы зеркало. Все хотят, чтобы это зеркало было кривым. К примеру, человек тучный хочет иметь такое зеркало, которое отражало бы его тоненьким и аккуратненьким.

К. Михаил Никифорович, как вы оцениваете такую ситуацию, которая произошла в «Крокодиле». Наш начинающий сотрудник, доверившись местному источнику информации, допустил ошибку в публикации. Но суд постановил взыскать с него летом прошлого года в возмещение морального ущерба потерпевшему... полтора миллиона рублей. А у парня зарплата в то время была тысяча рублей в месяц.

П. Да, это уже не юмор. Судьи тоже не любят средства массовой информации. А «Крокодил» тем более. Нет ни одной власти, которая бы любила «Крокодил». Конечно, надо закон о печати пересмотреть с позиций сегодняшнего дня. Инвентаризация ему надо делать. Какие

то статьи устарели, жизнь показала что-то новое, будем корректировать.

К. Политика полностью вас поглотила, или остаются время и душевные силы для того, чтобы что-то писать?

П. Я кое-что пишу. Готовлю книгу. Теперь у меня больше времени. Мне политика, честно говоря, осточертела. Я вошел в нее, можно сказать, совершенно случайно. Я «въехал» в политику с Законом о средствах массовой информации, с нашими наработками. Нужен был и инструмент для выполнения Закона о средствах массовой информации. Вот я и придумал Министерство печати. Его же никогда в России не было. Работая в Министерстве, я считал, что представляю журналистику в правительстве. А мне Борис Николаевич говорит: «Нет, наоборот, вы представляете правительство в журналистике». Я отвечаю: «Нет, все-таки первична журналистика, вторично — правительство». И так мы спорили, что главной и первичной: курица или яйцо. Но я все-таки убедил: журналистика хотя и четвертая власть, но далеко не последняя. Потом, когда я стал входить, втягиваться во власть, я увидел, как передо мной разверзлась бездна. Даже не Дантова ада, а того, что устраивают наши аппаратчики. Когда я увидел изощренность аппарата, интриги, почувствовал удары острыми локтями, я стал говорить: «Господи, куда я попал?» И я стал отходить, отходить... Но постепенно — останавливаясь, поднимаясь из этой пучины, чтобы не схватить кессонную болезнь.

К. Но вы ведь были на самом верху?

П. Нет. Верх — это по должностям, а по нравственности это низина, пучина. Вот я из этой пучины поднимаюсь через остановку в Думе, чтобы потом совсем уйти в журналистику, в писательство.

К. Вы нагляделись на государственных деятелей вблизи, не с телеэкрана. Что это за люди?

П. Люди разные. Но большинство из них не относятся к себе с чувством юмора. Оно-то у них есть. Но к себе его они не относят. Не хватает искренности. Велики самовлюбленность и боязнь показаться не «важным». Многие из них, образно говоря, ходят с велосипедными насосами. Носят их в кейсах. Перед тем как войти в здание правительства, такой себя подкачает, поднадует и весь день так сидит. Думает, что в таком виде его будут больше уважать.

К. Как Киса Воробьянинов: надувают для важности щеки? А есть ли среди них гиганты мысли, если уж пользоваться образами незабвенных Ильфа и Петрова?

П. Гиганты мысли имеются в виду, конечно, в кавычках? Гигантов там большинство. В аппарате, везде... Уж если они свою мысль, идею запустят — хоть стой, хоть падай.

К. Что бы вы пожелали читателям «Крокодила»?

П. Я бы пожелал им подпитывать через журнал свое чувство юмора, чтобы выжить самим и чтобы передать это чувство тем, кого мы воспитываем, потому что им-то придется еще хлебать и хлебать.

Беседу вела парламентский корреспондент «Крокодила» Аза ПАВЛОВА.

БОРОДОЙ

Приходит муж домой. Жена:

- Хлеба купил?
- Это не мужское дело!
- Ах, так? Что ж, тогда делай сейчас же мужское дело!
- Ты что, шуток не понимаешь? Давай деньги и сумку...

- От Кольки ушла жена и не оставила ему ни рубля!
- У меня еще хуже: моя тоже ни рубля не оставила, но не ушла, зараза!..

Припомнил Ф. КОНОНЕНКО,
г. Калуга.

Удар в спину часто наносят те, кого закрываешь грудью.

Сергей ФЕДИН,
г. Щелково.

А. КЛИМОВ,
г. Набережные Челны.

«ЛИТЕРАТУРА — ПРОИЗВОДСТВО ОПАСНОЕ, РА ВРЕДНОСТИ ЛИШЬ ИЗГОТОВЛЕНИЮ СВИНЦОВЫ

III. 1941—1944 гг.

В своем знаменитом докладе 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» Жданов, помимо прочих «разоблачений» Зощенко, «разоблачил» его еще и как труса, который «в неслышанно тяжелой войне, когда жизнь советского государства висела на волоске», сбежал из осажденного Ленинграда и, «окопавшись в Алма-Ате, в глубоком тылу, ничем не помог советскому народу в его борьбе с немецкими захватчиками». Лучше, чем кто-либо другой, этот «толстомордый подонок с глазами обманщика» (словесный портрет работы А. Галича) знал, что он всенародно врет. Но он знал и другое: возведенный на Зощенко гнусный поклеп никто не посмеет опротестовать.

Лучше, чем кто-либо другой... Нет, это не оговорка. Ибо по распоряжению не кого-нибудь, а именно Жданова Зощенко был внесен в список наиболее «ценных людей», подлежащих безоговорочной эвакуации. 18 сентября 1941 года (дата из дневника жены Зощенко — Веры Владимировны) Михаил Михайлович был вызван в Смольный, и ему было предписано собраться в двухдневный срок.

Как и другие коренные петербуржцы, Зощенко был патриот своего города и покинуть его, несмотря на то, что уже замкнулось кольцо блокады, отказывался... С первых же дней войны он мобилизовал себя на борьбу с фашизмом: вместе с Е. Шварцем написал антифашистскую пьесу-памфлет «Под липами Берлина» (Н. Акимов поставил ее в Театре комедии), пишет в ленинградские газеты (три фельетона перепечатали в Москве, в «Крокодиле»), выступает по радио. Короче говоря, он весь в работе, понимая, как важно для защитников города услышать его острое слово. Кроме того, он старый солдат. В прошлую войну с немцами командовал батальоном, имел пять боевых орденов. Если понадобится, он не раздумывая возьмет в руки оружие. Он и сейчас по ночам воюет с захватчиками на крыше своего дома...

В ответ ему было сказано, что он — из «золотого фонда республики», что его эвакуация — это приказ, а через два дня в дверь позвонили двое с майорскими шпалами, и он был отправлен на аэродром и затем в Москву. Через месяц, когда Москва тоже оказалась в осаде, Зощенко был вывезен в Алма-Ату.

Все это Жданов знал. Как и то, что, очутившись в Алма-Ате, Зощенко не «окопался», упрятав себя в тиши «глубокого тыла». За полтора года эвакуации им были написаны на военную тему несколько пьес (для театров Н. Акимова и Ю. Завадского), сценариев (для «Мосфильма»), киноповесть «Трофим Бомба» (позже была напечатана под названием «Солдатское счастье»), много рассказов и фельетонов, драматических сцен (из них две были опубликованы в «Крокодиле» — «Кукушка и вороны» и «Трубка фрица»). Конечно, все эти подробности Жданов мог и не знать. Но то, что Зощенко, увезенный подальше от фронта, всеми силами помогал советскому народу в борьбе с немецкими захватчиками, без всякого сомнения, знал! Иначе весной 1943 года Зощенко не был бы вызван в Москву. И в ЦК ВКП(б) не заседали бы на него так рьяно. Не уговаривали бы принять под свое руководство — что бы вы думали? — журнал «Крокодил»!

Могло ли такое обойтись без Жданова? Ведь он был не только хозяин всего Ленинграда и соответственно всех

его «служб», включая писательскую, в которой каждому из «инженеров человеческих душ» он знал настоящую цену. Жданов был членом Политбюро, секретарем ЦК, курирующим идеологию, и без его «визы» рекомендация на столь важную должность пройти не могла. И более того: имея в виду его вес в сталинском окружении, без особого риска можно предположить, что кандидатура беспартийного Зощенко на сугубо партийный пост ответственного редактора «Крокодила» была его, именно Жданова, кандидатурой.

Что из всего этого вытекает? А вот что: до определенного момента Жданов... благоволил Зощенко. Это подтверждает и орден Трудового Красного Знамени, которым в числе немногих писателей Ленинграда Михаил Михайлович был награжден в самый канун войны. Сей жест государственного поощрения означенного «литературного кадра» не мог быть произведен без прямого содействия главного идеолога партии. Это он, Жданов, трясушимися руками Калинина орден на грудь Зощенко нацепил...

И вот август 1946 года. Доклад, в котором Жданов беспардонно его шельмует. В чем же тут дело?

Ответ может быть долог, а может и короток: Зощенко не угодил Жданову (на партийном жаргоне — «не оправдал доверия»), подвел его. И вот в организованном после войны фронтальном сталинско-ждановском наступлении на интеллигенцию Зощенко вместе с Ахматовой (с ней свои счеты) «назначаются» первейшими объектами на уничтожение. А уж тут, как неоднократно доказывала большевистская практика, все средства хороши... Нет, как бы мы ни относились к тогдашним руководителям партии, надо признать, что знатоками человеческих душ они были отменными. Ведь послевоенное время было не только временем всенародной радости, но и всенародного горя, когда чуть ли не в каждой семье кто-то не вернулся домой, а кто-то вернулся калеккой. И потому, чтобы втоптать человека в грязь, лучшего «средства», чем объявить его трусом, улизнувшим от общей судьбы павших и искалеченных, придумать было нельзя.

И это сильнодействующее «средство» сработало. Вкупе с другими (не менее сильными) оно на долгие годы сделало Зощенку изгоем советского общества.

Но об этом разговор впереди. А пока вернемся в весеннюю Москву 1943 года... Итак, Зощенко по вызову ЦК приезжает из Алма-Аты, получает номер в гостинице «Москва» и приглашается на Старую площадь. Уведомляют: есть мнение, что он должен возглавить «Крокодил».

Из письма Зощенко Л. А. Чаловой: «Вызвали и предложили быть ответ. редактором. Я еле отказался. Вот уж была бы для меня беда...»

Слыхано ли такое? Партия (но мы-то читаем: Жданов) оказывает ему величайшее доверие, а он, видите ли, отказывается!

Можно представить себе реакцию на это известие в обкомовском бункере Смольного... Перед ним, Ждановым, на цирлах ходят генералы и маршалы, а тут какой-то бумагомаратель, сукин сын, задирает хвост! Андрей Александрович, наверное, был в бешенстве. Слушать, наверное, ничего не хотел, когда ему докладывали о причинах, по которым Зощенко отказался от редакторского поста. Слишком мягкий, говорит, у него характер? Неспособен, говорит, к руководящей работе? Здоровье, говорит, плоховатое? Интеллигент сопливый...

Однако после, видимо, подостыл. Матерясь и отплеываясь, дал согласие,

чтобы Зощенко разделил руководство журналом с другими членами редколлегии.

Из письма Зощенко Л. А. Чаловой: «Ввели в редколлегию «Крокодила»... Просили улучшить журнал. Стараюсь и трачу много времени на это. Но будет ли толк, не уверен. Беда не в нас, а в цензуре и войне, с которой смея мало вяжется».

Тут в Москве начальство меня весьма «ласкает». Нет, кажется, журнала, который бы меня не тянул к себе. Не хватает мужества всем отказываться. И это очень дурно. Начну писать пустяки. Физически невозможно писать много и почти все об одном и том же. От множества предложенных болит голова, потерял память — забываю, что кому обещал. Платят же, кстати, ерунду.

Будущее покрыто мраком. Долго не смогу выдержать такую суету, которая вокруг происходит.

По этой причине работа идет не так, как хотелось бы. Перескакиваю с одной темы на другую. Ох, превращусь в газетного репортера. От этого страдает и моя большая работа. Приходится писать урывками. А то и ночами...

Еще порядочно много осталось. И как я управлюсь, не представляю. Отказываться же от журнального фельетона нельзя. Все — начальство. И некоторые почти приказывают».

Что же это за «большая работа», которую приходилось писать урывками и ночами?

Это была повесть «Перед восходом солнца». Это был главный труд жизни, начатый еще в середине 30-х годов. Отправляясь в эвакуацию, Зощенко не взял с собой ничего, кроме «черного рваного портфеля» с материалами для будущей книги — восемь килограммов из двенадцати, которые принимал самолет. Эти восемь килограммов бумаги целый год лежали нетронутыми в алмаатинской комнате Зощенко под кушеткой, рядом с мешком сухарей, который Михаил Михайлович «заготовлял по ленинградской привычке». И вот за полгода до вызова в Москву он вытащил эти бумаги на стол и начал писать. И к моменту приезда в столицу написал семь из намеченных тринадцати глав. Вот тут-то и образовался этот самый (воспользуемся словом Зощенко из его копии 30-х годов) «разнотык»: с одной стороны, «Крокодил» и другие журналы, которые «тянут к себе», с другой — неогоримая жажда с головой уйти в работу над повестью.

А тут еще так случилось, что среди

московских писателей пошел слух, будто Зощенко пишет что-то необычное. Н. Тихонов, В. Шкловский и другие старые его приятели и знакомцы упили, чтобы он собрал их и почитал готовые страницы.

Из письма Зощенко Л. А. Чаловой: «Книгой моей обстоит дело пока что не только хорошо, но даже великолепно. Я не видел такого волнения, которое увидел у тех, кто ее читал. Я услышал наивысшие комплименты...»

Далее события стали раскрываться с невиданной быстротой. Прослышав о восторгах Тихонова и Шкловского журнал «Октябрь» принимает еще наполовину недописанную повесть к печатанию. Академик А. Д. Сперанский, по журналу взявший рукопись на рецензию, дает (с точки зрения науки) высокую оценку написанному и в телефонном разговоре с автором поздравляет его «поразительной книгой». Известно, что «поразительная книга» доходит до руководства пропаганды ЦК, там читают и, прочитав, настоятельно просят Зощенко ускорить работу над повестью.

Легко сказать... А как быть с «Крокодилом»? Ведь от службы в журнале никто не освобождал. Кроме чисто организационной, редакторской и прочей тинной работы, он ведь обязан и писать в каждый номер. И пишет. Поэтому, как в мае вышел рассказ «Гулька», валом идут письма из ступящей армии.

Вот пишет сержант Мурашов А.

«Здравствуйте, горячо любимый нами писатель!.. Я очень рад, что мне нашей комсомольской организацией поручено написать Вам письмо. Дело в том, что все наши комсомольцы, а также беспартийные бойцы очень любят Ваши коротенькие юморы. Недавняя «Рогулька» передается из уст в уста и почти каждым заучена наизусть. В жестоких боях с ненавистным врагом нас ободряют и даже под смертью заставляют улыбаться Ваши произведения...»

Пишет «красный офицерик» (сам себя так называет) В. Ильенко:

«... Сидя в окопах

1939 год. М. Калинин вручает орден М. Зощенко.

ВНОЕ ПО ИХ БЕЛИЛ».

Мих. Зощенко

и блиндажах, читая Ваши рассказы, мы забываем все невзгоды, смеемся, веселимся, а затем идет куча разных толкований, воспоминаний, пересказов. Только беда, Михаил Михайлович, что трудно достать Ваших рассказов. Уж больно большой спрос на них!..»

А вот письмо от гв. лейтенанта Иванова: «...Больше всего нам не хватает — это Ваших рассказов, которые в любой обстановке вселяют прекрасное настроение и заставляют смеяться от души... Только недалекие люди могут думать, что во время войны смеяться грешно. Если даже умереть, то все равно лучше в веселом настроении, чем с кислым выражением лица...»

И таких писем сотни!.. Разве он вправе бросить своего «испытанного» читателя, даже перед лицом смерти помнящего о нем и ждущего от него «порцию» бодрящего смеха?

И Зощенко писал: днем в «Крокодил» и в другие, «тянущие к себе» журналы (в «Огонек», «Смену», «Красноармеец», «Пограничник»), а ночью — главу за главой — повесть «Перед восходом солнца». Сообщал жене: «...второй месяц работаю по 16—18 часов в день! Устал безумно. Плохо сплю. Напряжение такое, что не без труда сижу и лежу».

Жена и сын остались в блокированном Ленинграде. Волнение за их судьбу, естественно, не прибавляло ни сил, ни спокойствия его и без того «плохим нервам». Пожалуй, единственное, что на этом «фронте» в какой-то мере его утешало, — так это два продуктовых пайка («крокодильский» и Союза писателей), из которых ему удавалось, когда кто-то из знакомых командировывался в Ленинград, часть посылать семье.

Словом, весна и лето 1943 года были для Зощенко временем каторжного труда и мучительной бытовой невзгоды: полагавшиеся ему пайки надо было ведь выкупать. А с деньгами, как писал он в одном из писем, «весьма туго», «Крокодил» платит за рассказ 300 рублей. Черт бы их драг, как это глупо, если актер, который прочтет мой рассказ, получает столько же». Кроме того, с утра до вечера занятый в «Крокодиле», он зачастую не успевал, как говорилось тогда, «отовариться»: «...зевая выдачу и всякого рода земные блага. От этих дел у меня болит голова. Тем более что надо следить за карточками...» И еще он вынужден был сделать то, чего не терпел всю свою жизнь, — залез в долги: «...пришлось купить костюм — здесь «шикарная жизнь», и мне в моем тряпье неудобно было ходить и тем более выступать перед чистенькой публикой...»

Кончалось лето, и вот в последних числах августа (с опозданием на месяц) вышел журнал «Октябрь» (№ 6—7) с первыми тремя главами «Перед восходом солнца».

Из письма Зощенко Л. А. Чаловой: «...случилось необыкновенное — мне с трудом дали 2 номера — я дал почитать знакомым и до сих пор не получил. Номера пошли по рукам. И просто исчезли... Интерес к работе такой, что в редакции разводят руками, говоря, что такого случая у них не было — журнал исчезает, его крадут, и редакция не может мне дать лишнего экземпляра. Я помню, нечто подобное было в «Возвращенной молодости». В общем, шум исключительный. Можно представить, что будет после 2-й части, когда начнется толкование снов... Предвижу брань и скандал».

Предвидел... Однако то, что случилось в действительности после выхода в свет следующих глав повести, ему не могло присниться и в страшном сне: поступило распоряжение... остановить публикацию.

Зощенко предположил, что эта варварская акция — результат самодурства каких-то замшелых чиновников средней руки. И написал письмо Сталину. А кому же еще? У кого, как не у «лучшего друга писателей», искать справедливости и защиты? Коротко изложив суть дела и посоветовав, что «несправедливо оценивать работу по первой ее половине», закончил он так: «...беру на себя смелость просить Вас ознакомиться с моей работой либо дать распоряжение проверить ее более обстоятельно, чем это сделано критиками... Все указания, какие при этом могут быть сделаны, я с благодарностью учту».

Ответа, естественно, не последовало. Зато в газете «Литература и жизнь» (от 4 декабря 1943 года) появилась статья некоего Л. Дмитриева, в которой Зощенко был представлен «мещанским хлюпиком, нудно копающимся в собственном интимном мире», «взирающим на окружающее с мелкой, обывательской «кочки зрения», откуда «не видит ничего, кроме своего болота», а вся публикация в целом была названа «пошлой» и «аморальной».

Этим же вечером Зощенко отправил письмо жене. Не желая излишне ее волновать, он пытается как можно мягче обрисовать случившееся: «Меня тут немного прорабатывают за книжку — это уж, как обычно, приходится терпеть. Но ничего, вытерплю. Тем более — я прав...»

На следующий день: «С деньгами стало неважно, т. к. книга не пошла в печать, и это нарушило мои финансы. Сейчас очень много придется работать, чтобы наверстать...»

6 декабря Михаила Михайловича вызывают на расширенное заседание президиума ССП. Окинув взглядом присутствующих, он вроде бы успокаивается: видит Фадеева (А. А. всегда к нему хорошо относился, они с ним «на ты»), Маршак (именно С. Я. ввел его в детскую литературу и печатал хвalebные отзывы на его книжки), Шкловского (старый знакомец еще со времен «Серапионовых братьев», к тому же читавший и восхищавшийся «Перед восходом солнца»). Нет, они в обиду его не дадут!

Дали. И более того: их слова били его больней, чем злобные выпады его давних недоброжелателей.

На этом заседании не было Тихонова, который, как и Шкловский, превозносил повесть Зощенко еще до начала ее публикации. Как и сам Зощенко, бывший «серапион», Тихонов теперь имел большой вес в Союзе писателей, и Михаил

Михайлович надеялся, что в силу своего положения он найдет возможность замолвить слово в его защиту. Нет, не нашел. Они жили в одной гостинице, но после того, как над Зощенко сгустились тучи, Тихонов ни разу даже и не постучал в его номер.

Да, сказано точно: друзья познаются в беде. Не оставил Зощенко в трудные для него дни, навещая его и поддерживая, Д. Шостакович, М. Слонимский, А. Райкин, А. Мариенгофф, Б. Бабочкин, А. Крученых. Встретился с ним и приглашал к себе в гости только что вернувшийся из эмиграции А. Вертинский...

Обычно Зощенко писал домой 2—3 раза в неделю. На сей раз, после «задушного» вечера в ССП, перерыв был чуть ли не в двадцать дней. «Неудача с книгой», — сообщил он, — «весьма плохо повлияла на меня... Вообще получилось глупо. Книга была разрешена ЦК. Ученые дали замечательный отзыв. Потом кому-то из начальства не понравилось (он еще не понял — кому! — Ю. Т.). И начали бранить. Выдержать все это не так-то легко было... Вообще все утрачено. Но предстоит много поработать, чтоб все наладить, а то, чего доброго, отнимут паек. Ну, надеюсь, до этого не дойдет...»

31 декабря Михаилу Михайловичу позвонили из «Крокодила» и объявили к такому-то часу непременно прибыть в редакцию. Читатель вправе предположить, что дружный коллектив самых веселых людей в СССР, решив собраться на новогоднюю елку, пригласил своего попавшего в беду товарища, чтобы поддержать, ободрить и, поздравив с наступающим праздником, может быть, даже, несмотря на скудость военного времени, вручить ему от всего «крокодильского» сердца какой-нибудь милый подарок... Поздравили и вручили: был зачитан приказ о выводе М. М. Зощенко из состава редколлегии.

И тут надо сказать, что он не очень расстроился. Потому что ожидал худшего. Перед тем, как отправиться в «Крокодил», он сказал: «Если не позволю в семь часов, то дело плохо». Он уже несколько дней ждал, что его могут арестовать. И вот опасался, что его заберут прямо в редакцию.

Сразу же после Нового года (8 января) Зощенко пишет письмо секретарю ЦК А. С. Щербакову. Все еще продолжая опасаться ареста и пытаясь его предотвратить, он «признает» «отдельные ошибки», допущенные в повести, и обещает, что, если «потребуется» их «разъяснить», он готов это сделать. «Ответом» было... выселение его из гостиницы.

И пошла кочевая жизнь. За три месяца ему пришлось пять раз переезжать с места на место — жить у знакомых или просто у добрых людей. Он говорил: «Я — как везь: куда хотят, туда и переставляют».

Он рвался домой, в Ленинград. Но все его просьбы встречали отказ. Кто-то невидимый там, наверху, никак не хотел отпускать его с короткого поводка.

Весь январь писем в Ленинград не было. Лишь 1 февраля Зощенко находил в себе силы сесть за письмо:

«Это время (2 месяца) дела мои были весьма неважны. Резкая и даже грубая критика осложнила мои отношения с журналами».

Из «Крокодила» пришлось уйти. Вернее, я был выведен из состава редколлегии. Но выведен не сверху (ЦК), а самой редколлегией, которая из перестраховки пошла на это, не зная, что со мной будет (здесь Зощенко, конечно же, ошибается: его «вопрос» — без указаний на то ЦК — «Крокодил» был решать не вправе. — Ю. Т.).

Конечно, работать там уже не буду, хотя бы меня и очень попросили. В общем, это дело сыграло роль и в моих отношениях с другими журналами — меня перестали приглашать. И два месяца я оставался совершенно без заработка...

Держался я в общем крепко. Но здоровье и нервы ужасно сдали. Плохое здоровье не позволяет мне написать что-либо хорошее. А если бы написал, журналы, конечно, напечатали бы, так как запрета, конечно, нет (печататься), но осторожность в редакциях имеется, и от этого меня не приглашают, как бывало раньше.

В общем, переживу. И даже самолюбие мое не очень страдает от всех этих дел. Но с деньгами плохо. И с продовольствием несколько хуже, чем было, так как один паек потерял (который давал «Крокодил»). Основной же паек (по Союзу) не отняли. Надо полагать, и впредь буду получать, но гарантии, конечно, нет.

В общем, Москва приняла меня плохо... было холодно, неудобно и неудобно... поскольку так у начальства протрафилась...

Конечно, очень жаль, что получилась такая катавасия с моей книгой. Но тут я мало при чем, ибо одобрение было полное. Нельзя было предвидеть такую неожиданность...

И еще была одна неожиданность. Если раньше Н. С. Тихонов только молчал, когда надобно было вступить, то теперь на состоявшемся в начале февраля пленуме СП СССР, а затем в статье «Отечественная война и советская литература» («Большевик», 1944, № 3—4) он «камня на камне не оставил от восхитившей его недавно повести. Когда Зощенко при встрече спросил его, чем была «вызвана эта перемена фронта?» — Тихонов ответил, что ему «приказали жестоко критиковать» и он «был вынужден критиковать, исполняя приказ, хотя с ним не согласен».

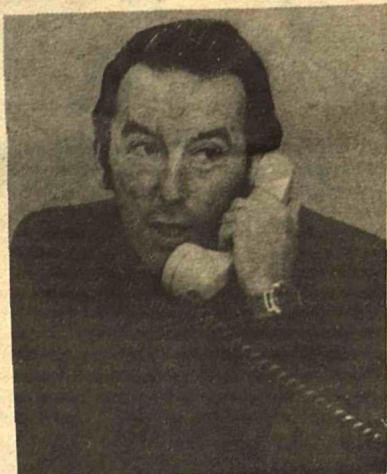
Кто отдал ему этот приказ, Тихонов не сказал. Но догадаться нетрудно. На протяжении всей блокады Тихонов возглавлял оперативную группу писателей при Политуправлении Ленинградского фронта. И — по долгу службы — в чье он входил непосредственное подчинение? Чьи выполнял приказы?..

Горящему мстительной жаждой побольше наказаний захотевшего повольничать (от ответственной должности отказался, пишет, что заблагорассудится) Зощенко, Жданову показалось мало, что в предыдущем номере того же

Алексей ПЬЯНОВ

«Я БРАЛ, КАК ШТАНГУ, ЛУЖНИКИ»

Литературные пародии

Отметить свое шестидесятилетие в «Крокодиле» — об этом может мечтать каждый редактор. По многим причинам...

Вот, скажем, довелось бы мне дожить до круглой даты в журнале «Юность», где я прежде работал. И что? Даже говорить об этом было бы неловко, ибо вышеназванная цифра плохо монтируется с представлением о юности — в кавычках и без.

Другое дело — «Крокодил». Тут все с улыбкой, с шуткой, будь ты хоть редактор, хоть кто. Традиция.

Заикнулся о своих шестидесяти, а тебе в ответ: подумаешь, дата! Вон соратнику по редколлегии Борису Ефимову — 94. Вроде бы солидный возраст, но человек не кричит об этом на всех углах, живет себе спокойно, рисунки рисует, книжки пишет, на двенадцатый этаж пешком поднимается. Так что будьте, коллега, поскромнее. И довольствуйтесь журнальной полосой, которую вам в связи с упомянутым событием надлежит заполнить своими сочинениями, дабы убедить коллектив, что приказы по редакции не единственный доступный вам в этом возрасте жанр.

Конечно, монолог я привел вымышленный, а вот страница в журнале выделена мне в самом деле. И вам предстоит решить, не опрометчиво ли поступили мои товарищи, поздравляя с юбилеем.

УЖАС ПРЕЗЕНТАЦИЙ

(Белла АХМАДУЛИНА)

Ты угадал: о тех веду я речь,
Кто, пережив всю муку презентаций,
Смог сердце и желудок уберечь,
Не захлестнувшись патокой оваций.

Кого здесь славят? Кто тому виной,
Что истина сегодня — в блеклых нетях?..
Там, за стеной, в пустыне ледяной
Луна свои забрасывает сети.

И свет ее зрачкам невмочь терпеть.
О, как жестока эта проволочка!
А презентант иссяк едва на треть,
И я прервать его неправомочна.

Что мне дарует он взамен Луны?
Ущерб соразмерна ли награда?
«Смирновскую»? Люля-кебаб? Блины?
Пирог с визигой? Киви? Авокадо?

О, эта торжествующая снедь...
Кому она — Гаргантюа? Лукуллу?
Зачем гремит ликующая медь
Над приторными Андами лукума?

Кто эти — в буклях, смокингх, жабо?
Кого они играют так натужно?
До истинных не дотянуть. Слабб.
Зачем же им сии забавы нужны?

Не отвечай. Тебе и самому
Невмоготу, поскольку погран гений.
Здесь горе разом сердцу и уму:
Плебейство деформировало гены.

Ужо им... А над сонною Окой,
В окрестностях Пачёва, не иначе,
Туман раздвинув розовой рукой,
Рассвет апрельский
с вечностью судачит.

Я ухожу. Подведена черта.
И пусть себе опасность золотая
Свирепым вопрем мчится по пятам,
Безжалостно покров столов сметая.

На уговоры времени не трать.
Свое занятие грешное не брошу...
На этом точка падает в тетрадь.
Изнемогла... Чугунно тяжка ноша.

А может, мне сменить фамилию,
Надеть одежду постарей
И, бросив небеса немилые,
Уйти с толпою кустарей?

Роман СОЛНЦЕВ.

Теперь уж мне предельно ясно,
Тут ни прибавить, ни отнять:
Я примелькался в Красноярске.
Обрыд я всем. Пора линять.

Куда ни глянь — моя фамилия,
А рядом с ней — «Виват!», «Ура!».
О, как она мне опостылела...
Нет, все — шабаш! Пора, пора!

Костюмчик новый в шкаф повешу,
Сниму со скрипом башмаки,

Надену старую бекешу,
Найду дырявые носки,

В чулане трепаный кепарик
И рваный тельник отыщу,
И стану я — обычный парень
И птицей вольной засвищу.

Про пьесы и стихи забуду,
Порву заветную тетрадь
И больше никогда не буду
Бумагу рифмами марать.

А чтоб со следа сбить знакомых,
В тупик погоню завести,
Я стану Евтушенко Рома,
И пусть попробуют найти!

ЧТО ЗА ОЧЕРЕДЬ БЫЛА...

(Дмитрий СУХАРЕВ)

Всем приятен выходной —
Можно пиво пить беспечно,
Но поштам выплатной
День
Приятней был, конечно.

Вспомнишь — слюнки по усам,
Словно бы перед обедом...
Не со слов чужих — я сам
Это таинство изведаль.

Ах, какой прелестный день!
Светлый, радостный, высокий...
Забывалась дребедень,
Прекращались тяжбы, склоки.

По Москве летела весть,
Как невеста в белом платье:
Деньги в кассе нынче есть!
«День поэзии» — в оплате!

Позабыв про чин и статью,
Опускались с горних высей
Вмиг поэты, чтобы встать
У окошечка в «Совписе».

Тихо очередь плыла,
Не ругаясь и не вздорая.
Что за очередь была!
Женя, Коля, Света, Боря...

Не базарят, не шумят —
Шепот, сдержанные речи.
Не поверите — стоят
Мориц рядом с Поперечным!

Получив свои рубли, —
Их в карманы не пихали,
В ЦДЛ толпою шли
И культурно отдыхали.

Золотые времена —
Без заботы, без печали.
А какие имена
Вместе с тостами звучали!

...Цены челюсти крушат.
По метро гуляют крысы.
Над руинами «Совписа»
Тени вежливо кружат.

ПРОЩАНИЕ СО СЦЕНОЙ

(Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ)

Страна подверглась балдежу.
Звереют цены.
Но я со сцены ухожу.
Я ухожу со сцены.

Кто остается — не сужу.
Пока, сирены!
Ваш слух уже не ублажу —
Я ухожу со сцены.

Не киксовал я никогда,
Все это знали.
Я был на сцене в те года,
Когда со сцены гнали.

Я брал, как штангу, Лужники.
Дымилась холка...
Где Лужники — там лужники
И барахолка.

На сцене — шумная возня.
Расперло стены.
Делите славу без меня.
Я ухожу со сцены.

До всех публично довожу
Через «Вечерку»:
Да, я со сцены ухожу.
В зал. На галерку.

НЕ СПОРЬТЕ С ПУШКИНЫМ

Прекрасна дева на скале,
И спорить с Пушкиным не надо.

Но красотю до конца
Не насладится тот, кто все же
Не видел женского лица
Не на скале...

Владимир СОЛОУХИН.

Я над бумагою потел,
Сменив полдюжины сорочек:
Ущучить Пушкина хотел
По поводу известных строчек.

Он дока был в таких делах,
Люблю давно его стихи,
Но дева в бурю и скала —
Не вся прекрасного стихия.

Каноны пошлости круша,
Ужель забыл он в самом деле,
Как дивно дева хороша
В своей предутренней постели?

А дева, пьющая вино,
Конечно, в дозах неопасных?
Известно всем давным-давно,
Сколь в этот миг она прекрасна.

Она прелестнее наяда
В момент неспешный раздеванья,
Она собой ласкает взгляд
Не только в море, но и в ванне.

Что ж Пушкин этого не знал,
Так жестко ограничив тему?
Да я б об этом написал
Венок сонетов! Нет — поэму!!!

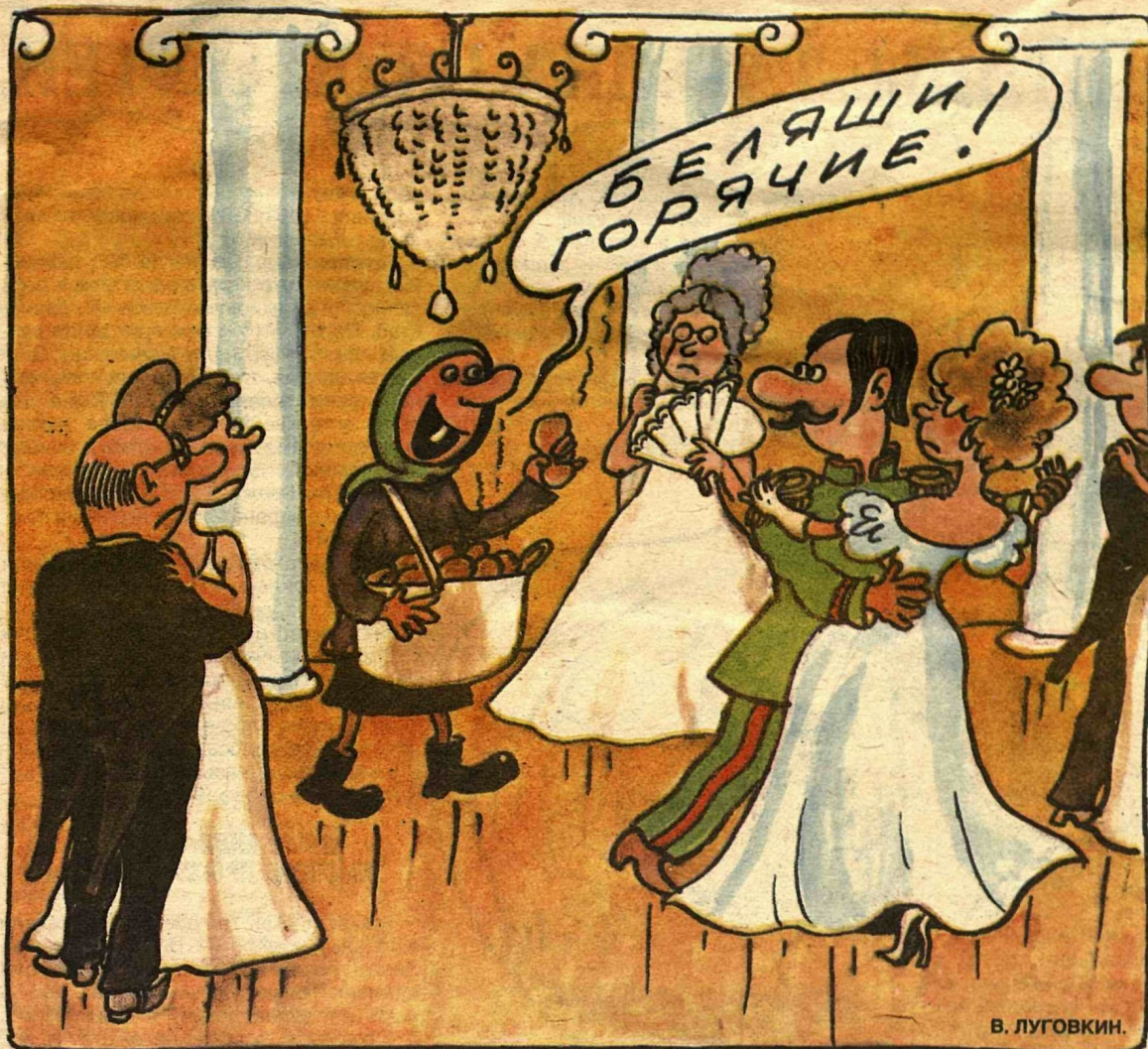
Конечно, трудно спорить с ним.
Как ни крути — он все же гений,
Но мой поступок объясним:
И я знаток таких мгновений.

...Ночь опустилась за стеной,
Поймав звезду, как рыбку, в сети.
Я изнемог. А надо мной
Смеялись громко строчки эти.

Но бунтовал мой гордый дух —
Ужели непосильна ноша?!
Пока не прокричал петух,
Я состязаться с ним не брошу.

И вот затеплился восток,
Чаруя взор зарею алой,
Иссяк критический восторг,
Рука моя писать устала.

Гора бумаги на столе
Истрачена, увы, напрасно...
Прекрасна дева на скале,
И спорить с Пушкиным опасно.

В. ЛУГОВКИН.

А. КЛИМОВ, г. Набережные Челны.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Туалет закрыт по случаю пьяниц».

(Объявление в общественном туалете.)

Прислала
Л. Колычева,
г. Москва.

«В связи с тем, что 22 июня у меня была свадьба, я прогулял с 18 по 24 июня. А с 24 июня по 18 июля я прогулял в связи с тем, что 20 июня сдал свинью в заготскот, а квитанцию на сдачу во время свадьбы украла. Пока я восстанавливал копию квитанции, прошло 3 недели, 3 недели я не выходил на работу».

(Из объяснительной.)

Прислал
С. Зайончковский,
г. Екатеринбург.

«В этой игре игрокам часто достаются синяки и шишки. Поэтому у нас и любят хоккей».

(Из репортажа.)

Прислал В. Ковмарь,
г. Рига.

«Объяснительная

Свой сон на рабочем месте отрицаю по причине того, что я был не в состоянии спать. Просто я задумался, вспомнил о том, что раньше было у нас в магазинах, от удовольствия у меня закрылись глаза, я все предвставленное начал поглощать и поэтому издавал звуки, напоминающие храп.

За право мыслить о приятном не наказывают».

Прислал В. Соколов,
Донецкая область.

СЕКРЕТЫ КАННИБАЛЬСКОЙ КУХНИ

ЧЕРНУШКА

ИСХОДНЫЙ ПРОДУКТ

Высший сорт — белый, молодой, нежирный, прежде не занятый на физической работе.

2-й сорт — желтый. 3-й сорт — красный. Некондичия — черный.

Рекомендуется продукт исключительно 1-й свежести. Продукт 2-й свежести (лежалый), а также мороженный идет только в периоды войн, революций и переходов к рынку.

ПОРЦИОННЫЕ БЛЮДА

«9 ГРАММОВ В СЕРДЦЕ»

При температуре 36,6 в продукт быстро впрыскивается по 9 граммов ликера «Киви», коньяка «Мустанг», портвейна «Порто», бальзама «Женьшень», вина «Чинзано» и тройная доза старинной русской водки «Сучок». Подается в пульсирующем состоянии на листе баобаба.

ФИЛЕ «ГАННИБАЛ»

Берется филейная часть повышенной выпуклости и плотности. Параллельно седлается носорог. Филе кладется под седло. Свиное животное взбрыкивает, пытаясь сбросить наездника. Тот, взлетая и плюхаясь обратно в седло, добивается от филе такой мягкости, которая позволяет есть его одними губами, без применения зубов. Филе подает на седле сам наездник. Или носорог.

КОПЧЕНЫЕ РЕБРЫШКИ

Коптятся три дня и три ночи на трубах мира. Процесс требует непрерывности, поэтому воины кухарят артельно, коротая сутки охотничьими рассказами, прививающими молодежи гуманистические идеалы.

ПОЧКИ ОТБИВНЫЕ «ЕВРОПА»

Лучше всего полуфабрикат отбивать беисбольными битами или резиновыми дубинками — точно так, как это делают в полицейских участках всех цивилизованных стран. После отбивки почки извлекают наружу

и слегка подрумянивают на сильном открытом огне. Гарниром служит большое количество сочной зелени.

СОЛЕННЫЕ УШИ

Уши обрывают задолго до приготовления других блюд, когда головы еще ничего не подзревают. Каждое ухо тщательно моют, после чего весь урожай ссыпают в пальмовую кадку с крепким рассолом, настоящим на целебных травах. Уши выдерживают под гнетом 1,5—2 месяца, пока они не достигнут легкой разгрызаемости. Хороши с яичной лапшой.

ФРУКТОВЫЙ БАРАБАН

Хозяина большого пуза не кормят два дня. А на третий предлагают заглатывать, не жуя, нарезанные кубиками бананы, ананасы, манго и другие свисающие с веток фрукты. Когда пузо станет, как барабан, емкость отторгают от хозяина и закладывают в сухой лед. Подается фруктовый барабан в замороженном виде, на порции отсекается зубом саблезубого тигра.

«БОЛТУШКИ»

За любительницами пощечетать ведутся длительные наблюдения. Самые болтливые язычки и оказываются на раскаленных камнях. Подаются шкварчащими к неторопливой беседе старейшин племени.

ШКУРКА-СОЛОМКА

Надрезанную по талии шкурку снимают с верхней половины, как обычную рубашку, с нижней — как обычные штаны. «Одежку» шинкуют со-

ломкой и как следует прожаривают на белом солнце пустыни, периодически вороша и присаливая. Вызревшая до звонкого хруста, аппетитно загоревшая, соломка гораздо эффективнее оттеняет букет баварского пива, чем даже прославленный соленый миндаль.

НЕРВНАЯ ПРИПРАВА

Нервную систему аккуратно вытягивают на свет, старательно избегая разрывов. Идеально высушенные на теплых сквозняках нити толкут в бумажной ступе до превращения в белый порошок. Будучи мощным биостимулятором, он добавляется к горячим блюдам для устранения бытового и социального инфантилизма. С той же целью порошок можно растворять в ключевой воде и пить как шипучку.

БЛЮДО-СЮРПРИЗ

Из России выписывают волжского копченого осетра. Голову и хвост скармливают гиенам, остальное прячут под майонезной «шубой». И тут же приглашают конкурирующих каннибалов на дегустацию кушанья, предлагая с закрытыми глазами определить исходный продукт. Гости сражены: «Ах, что за вкус! Это лорд, пэр, президент, председатель Госдумы?! На каком континенте брали? Спишите рецептик!» Хозяева торжествуют, но рецептик не дают. Что неизменно приводит к азартной резне, пополняющей каннибальскую кухню.

Перевел с каннибальского
С. МАКСИМОВ.

НИКИТИНЫ: ТАТЬЯНА ПЛЮС СЕРГЕЙ...

Мемуары на два голоса

БИОГРАФИЯ В КУРЬЕЗАХ

**ЭТО БЫЛ
КОШМАР ПОЛНЕЙШИЙ!**

Татьяна. Вся жизнь у меня состоит из маленьких курьезов. Вот, например, до замужества я никогда не пела, имела лишь один-единственный опыт в школе. Но, выйдя на сцену, так фальшивила, что, когда взглянула на лицо своего аккомпаниатора, начала дико хохотать. Продолжать петь уже не смогла, и под смех всего зала мы с позором ушли со сцены.

В МГУ на физфаке у нас оказалось довольно мало барышень, и поэтому тех из нас, у кого все было в норме — не хромали, не косили, не заикались, — заманивали в так называемую агитбригаду. Я там по части драмы подвизалась. И так получилось, что первый раз петь с Сергеем дуэтом мы вышли по моей инициативе...

Сергей. Все девушки на физфаке были умные, а это не всегда сочетается с красотой. Поэтому все симпатичные наперечет были, и мы с Татьяной не могли не познакомиться. Судьба.

Татьяна. Сергей к тому времени был звездой и любимцем университета, а я пришла на первый курс, и он с четвертом выступал перед нами, зелеными и не отошедшими еще от трясучки вступительных экзаменов. И, сидючи в зале, впервые увидев на сцене Сергея, я сказала: «Вот этот парень и будет моим мужем». Он-то пока об этом не знал!..

Познакомила нас одна девица, которая уже была в агитбригаде. Сергей сделал вид, что поухаживал какое-то время. Но при этом он выступал тогда ловеласом — у него как раз другая барышня была...

Сергей. Татьяне в агитбригаде надо было спеть какую-то песню. Они меня попросили саккомпанировать. Кажется, это ее первый выход был на сцену вообще — они с подружкой дрожали, как два осинового листа.

Татьяна. Я сама сделала разложение на два голоса, это был, конечно, кошмар полнейший. Но он мужественно нам аккомпанировал. И все это не оттолкнуло его от мысли, чтоб я пела, и даже от женитьбы не оттолкнуло... Впрочем, думаю, что мы поженились не благодаря, а вопреки этому сценическому опыту.

ИРОНИЯ СУДЬБЫ, ИЛИ...

Татьяна. У нас совершенно сумасшедшая семья, потому что, во-первых, я родилась 31 декабря. В детстве это было чудесно. Но, когда я вышла замуж, выяснилось, во-вторых, что Сергей родился, конечно же, 8 марта! Я ненавижу этот праздник всегда, и тут автоматически его лишилась, потому что теперь больше всего надо было пахать

именно в этот день.

Сергей. Я к своему дню рождения отношусь скептически. Одно время пытался бороться, переносить, скажем, на седьмое или на девятое. Но эта затея оказалась бесперспективной. И теперь стараюсь 8 марта устроить взаимный праздник...

Татьяна. Вы же понимаете, если мужчина родился 8 марта, это уже смешно. Может быть, поэтому он отчасти воплотил в себе какие-то женские начала, такая в нем дородность, лепность, неторопливость, а я... Я — водитель, со строителями всякими общаюсь тоже как раз я. Впрочем, меня как-то сразу вычисляют дети, собаки и строители. Они вот все очень четко определяют с первого взгляда, кто «ведущий» в семье.

Сергей. У меня даже была мысль создать клуб мужчин, родившихся 8 марта. Ну, устраивать такие мальчишники, плакаться в жилетку. Оказывается, среди моих знакомых много таких. Взять хотя бы светлой памяти Андрея Миронова. Хорошая идея, но суета помешала...

Татьяна. Итак, 31 декабря и 8 марта. Конечно же, когда у нас родился сын, это произошло 13 января, на Старый Новый год!

ЭТОТ КОВАРНЫЙ ЗИНОВИЙ ГЕРДТ

Татьяна. Наши друзья такие мастера анекдотов! Мало кто может соперничать с Никулиным. Ну и Зиновий Гердт...

Сергей. Я очень люблю музыкальные анекдоты. Как выяснилось, они все с бородой. Я давно порываюсь удивить Зиновия Ефимовича каким-то анекдотом, но пока это не удается. Главное, он очень коварно поступает: каждый раз дослушивает почти до конца, кивает, поощряет, а потом р-р-раз! — и говорит концовку.

зревавшие, что не одним бетоном жив кооператив, проникли в него и увезли с «Железобетона» аж на 7,5 миллиона рублей... печенья. Вот и верь после этого вывескам!

НЕУД

Три сержанта заочно обучались в милицейской спецшколе. И, наверное, не имея живого общения с наставниками, в чем-то теряли.

Татьяна. Но в общем-то каждый новый анекдот, который узнаю, становится любимым на это время. А сейчас у меня образовался такой этап склероза, когда слышишь и тут же забываешь... Ну, как в том анекдоте о склерозе: «Все время чего-нибудь новенькое узнаешь».

Сергей. Старый контрабасист ушел на пенсию и впервые в жизни слушал «Кармен» из зрительного зала, а на контрабасе вел партию

зала: «Нет, не надо, я лучше вот это мое поставлю!» И поставила нашу... то есть свою пластинку.

Татьяна. Наш сын, когда был маленький, верил, что играть на гитаре и петь запросто должно уметь все человечество. Потому что к нам приходили разные люди, и все пели — Никулин, Окуджава, другие, то и дело появлявшиеся на экране телевизора. Для сына это была естественная атмосфера жизни. И он все время говорил: «Мам, а почему же Брежнев к нам в гости не приходит?» Потому что Брежнев для него тоже был «человек с экрана», как и все наши поющие гости.

Когда однажды сын увидел, как убили Петьку в фильме «Чапаев», он жутко рыдал. И тут уж нам пришлось соврать, сказать, что это все неправда, что они с Василиянычем выплыли на самом деле. И он очень долго ждал, что придут к нам в гости «выплывшие»: Леонид Кмит и Борис Бабочкин. Потом, правда, ничего, рассосалось, потому что жизнь в 5 лет бывает насыщенной и веселой, и мы многое забываем вскоре.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕИЧ ПО СЦЕНЕ ПРОГУЛИВАЕТСЯ...

Татьяна. Как-то раз мы приехали в Казань вчетвером — Витя Берковский, Дима Сухарев и я с Сергеем. Мы к тому времени только несколько раз выступали на телевидении, а Берковского с Сухаревым вообще не знали. И вот в одном из институтов встретил нас такой бойкий молодой человек с комсомольским значком, повел на сцену.

Сухарев спрашивает:

— А вы знаете, кто мы такие? Кто к вам приехал-то?

— Конечно, знаю. Пошли, пошли...

А там уже битком набит зал, и такая жуткая висит тишина. Молодой человек вышел к микрофону, оставив нас за кулисами, и звонким голосом объявил:

— Товарищи! К нам приехал квартет в составе Сергей Никитин, Берковский и... Стеркин.

На этом перечисление «квартета» закончилось, и юный деятель ушел. Мы в совершенном потрясении стоим и не знаем, как быть: троих объявили, чего ж выходить вчетвером, тем более что женского рода вообще обозначено не было. Тогда Сухарев подходит к микрофону и объявляет мрачным ровным голосом:

— Товарищи! Вот мы спросили хозяина, знает ли он, кто приехал, и услышали «да». Так вот, он вас обманул, товарищи! К вам на самом деле приехали Микаэл Таривердиев (показывает на Сергея, а зал так же тихо и покорно принимает услышанное), Булат Окуджава (на Берковского), Бэлла Ахмадулина (на меня)...

А зал не реагирует, так молча и сидит! И лишь когда Сухарев сказал:

—...И я, Александр Сергеевич Пушкин, — начался такой хохот, что ни мы выступать не могли, ни зал слушать.

Сергей. Вообще с комсомольскими деятелями самых разных рангов нам всегда было сложно. Однажды пригласили нас в ЦК комсомола приветство-

его сын. После спектакля возбужденный отец прибегает за кулисы: «Слушай, сын! Ты помнишь это место: пум-пум, пум-пум, пум-пум, пум-пум, пум-пум! Так там же ж, оказывается, есть замечательная мелодия!»

КТО К НАМ ПРИШЕЛ!

Сергей. Я участвовал в передаче «Спокойной ночи, малыши!», а потом однажды мы пришли в дом к друзьям, где нас встретил трехлетний ребенок. Папа ему говорит с восторгом: «Ты видишь, кто к нам пришел?! Ты знаешь этого дядю?!» (имея в виду, что ребенок просто должен узнать Сергея Никитина). А тот так спокойно отвечает: «Конечно, знаю. Это Хрюшин друг!»

А в другой раз общались с четырехлетней девочкой. Оказалось, она нашу пластинку «Пони бежит по кругу» знает наизусть, сама научилась ее ставить на проигрыватель. И вот ей объясняют: «Леночка! Это как раз те самые Сергей и Татьяна Никитины, которые поют у тебя на пластинке!» Девочка посмотрела на нас с большим недоверием. И тогда, чтоб доказать, я взял в руки гитару и запел песенку про пони. Но вдруг почувствовал, что с ребенком творится что-то неладное, прямо-таки раздвоение личности: мы же должны быть «там», а не здесь! Наконец она решила для себя эту проблему, сделал выбор. Замахала на нас руками и ска-

итогах которого заочникам скорее всего влепят неуд.

НА ЗАКУСКУ

Неработающий и прежде судимый Салахов мало знаком с классикой. Чехова знает понаслышке, а с его бесподобной Мерчуткиной, требовавшей пособия в совершенно посторонней конторе, вообще не знаком. Был бы погра-

УГОЛОК
УГОЛОВКИ

ПОД НЕСЪЕДОБНОЙ ВЫВЕСКОЙ

Что за нетрадиционный, уточненно-изысканный пошел нынче преступник! Ну какому доперестроечному уголовнику стукнуло бы в голову лезть на территорию, где на воротах увесисто и неподъемно значится: «Железобетон». Но тонко и нешаблонно мыслящие владивостокские жулики, подо-

ЗОЩЕНКО И «КРОКОДИЛ»

«Большевика» (№ 2) им был инспирирован злобный пасквиль — «Об одной вредной повести», заканчивающийся прямым приговором: Зоценко написал «галиматью, нужную лишь врагам нашей родины». Смысл этих слов был страшен: работаешь на врага — значит, и сам враг. А с врагами, тем более в военное время, церемониться нечего!

Да, ему этого было мало. Ему было мало, что Зоценко изгнан из «Крокодила». Что перед ним захлопнули двери все другие печатные органы. Что, выброшенный отовсюду, ошельмованный и затравленный, он бедствует, лишенный возможности заработать на кусок хлеба. И вот Жданов заставил участвовать в травле «проштрафившегося» писателя его давнего друга. Столкнул их лбами...

Только в апреле 1944 года Зоценко получил наконец разрешение возвратиться в Ленинград. «Эта катастрофа с книгой, которую он считал главным делом своей жизни, грубейшая критика, недостойное поведение друзей, оскорбленное самолюбие — все это тяжело отразилось на нем...» — записала в свой дневник жена писателя. Михаил Михайлович пробовав работать, но, по его собственным словам, «без особо ярких результатов». А о каких результатах могла идти речь, если его продолжали держать в «печатной блокаде».

Семья жила продажей вещей.

К началу лета шум вокруг его имени стал стихать, а потом, казалось, о нем и вовсе забыли. Михаил Михайлович устроил на Марсовом поле небольшой огородик, вскопал две грядки, посадил картофель, редиску. В свободные часы выходил на набережную, гулял, тихо радуясь, что снова живет в дорогом его сердцу городе.

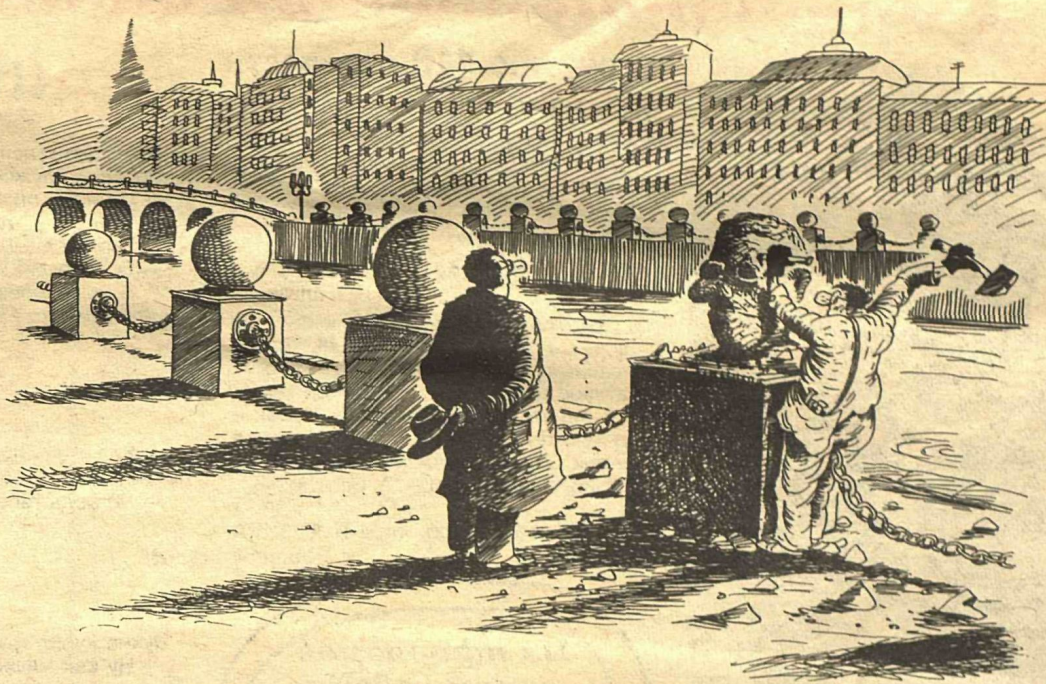
Было такое чувство, что все его горести позади.

Но... 20 июля он был вызван в Ленинградское управление НКГБ.

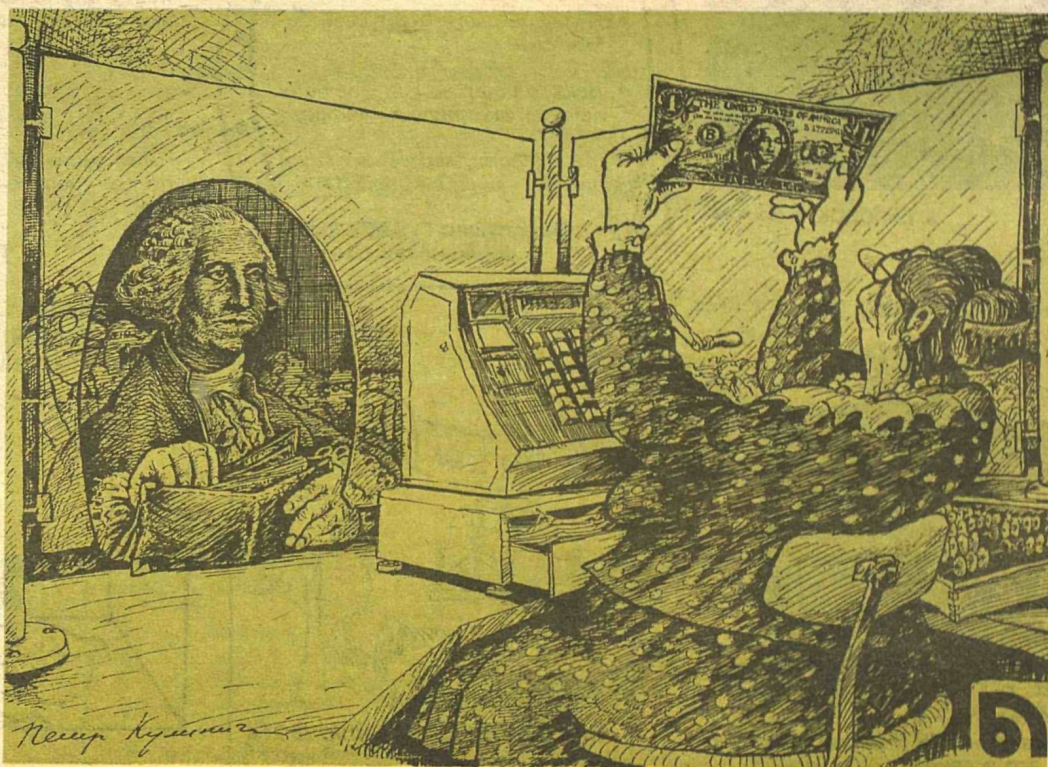
У Андрея Александровича Жданова долгая память...

Ю. ТОМАШЕВСКИЙ.

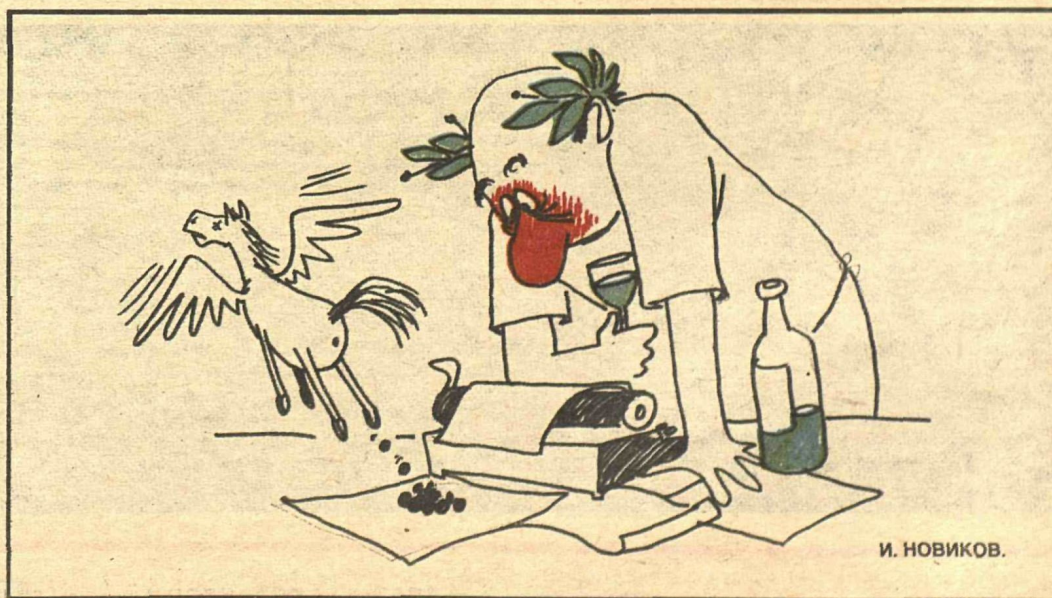
(Окончание следует.)

В. НЕНАШЕВ, г. Ставрополь.

П. КУЛИНИЧ, г. Сочи.

И. НОВИКОВ.

В мире все взаимосвязано: Рудкой отпустил бороду, а Дума отпустила Рудкого.

Святослав СПАССКИЙ, г. Москва.

вать победившую хоккейную сборную. И мы спели песню Виктора Берковского и Бориса Слуцкого «Лошади в океане». Помните, она такая трагическая... Это привело в такое бешенство тогдашнего комсомольского начальника Тяжелникова, он такое неудовольствие своим подручным высказал, что мы на четыре года оказались выключены из всяких поездок и прочей такой общественной жизни.

Правда, нам об этом не сказали, и все четыре года мы пребывали в счастливом неведении: ну, не зовут, так и не зовут...

ЗАПРЯГЛИ ИШАКА

Сергей. Стычки с бюрократами у нас, конечно, бывали. Но я всегда чувствовал мощный тыл: мы же, как правило, пели классическую поэзию. Что они могли сказать против Шекспира-то! Но однажды по радио в одной из наших передач прозвучал сонет Шекспира: «Зову я смерть, мне видеть нестерпимое достоинство, что просит подаянье, над простотой глумящуюся ложь, ничтожество в роскошном одеянье».

И вскоре пошли письма от «народных мстителей» в ЦК: «Почему по радио крутят запрещенного Галича?!» Такой скандал вышел, чуть не уволили редактора, едва разобрались, что это все-таки был Шекспир.

Татьяна. Еще нам рассказывал редактор радиостанции «Юность», что однажды был собран совет... н-ну, политбюро этого радио, и они решили, пускать ли песню на стихи Сухарева в эфир. Не пустили. Я была потрясена: за что?! А там были слова: «Запрягли ишака со звездой во лбу», восточные такие мотивы... Как оказалось, в это время в Союз приезжал какой-то именитый генерал с Востока, и, если пустить песню в эфир, гость может-де услышать и узнать в этом ишаке со звездой во лбу себя. Вот так: на полном серьезе это все обсуждали. Вот где сидели настоящие, истинные антисоветчики! А вы говорите: Галич!..

ОЦЕНИЛИ!

Татьяна. Двойственность нашего существования всегда порождала массу ревниво-недоверчивых упреков: что, мол, это за физики, которые поют, и что за певцы, которые занимаются физикой! Теперь вот у меня — кресло замминистра культуры Российской Федерации, а у Сергея — табуретка заведующего художественно-постановочной частью театра-студии Олега Табакова.

Я до министерства прошла некоторый «казенный» путь: занималась культурой в Октябрьском районе, работала в префектуре... И вот как-то на 8 Марта, во время моей работы «в городе», в кабинет пришли сотрудники милиции и, с поклоном вручив мне цветы и конфеты, сказали: «Поздравляем вас, Татьяна Хашимовна, одна вы у нас не вооружены!»

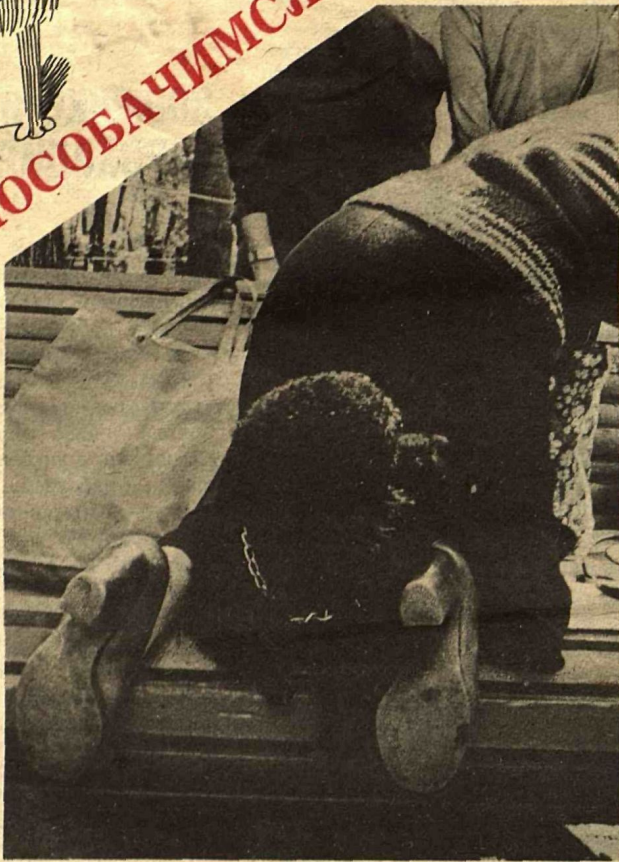
Внимал дуэту
Евг. ОБУХОВ.

мощнее, не оказался на ее месте. Представьте себе, захотелось ему выпить, и в целях утоления жажды он с пистолетом и гранатой проникает в помещение педкомплекса (г. Альметьевск), где под страхом смерти требует от персонала водку.

Водки у персонала под рукой не оказалось. А группу захвата Салахову сумели обеспечить. На закуску.

ПОСОБАЧИМСЯ?

ДОТ

Э. ЛАПОВОК, г. Москва.

Агентство ГАВ передает:

Пограничные собаки объявили всеобщую забастовку. Они требуют от правительства разобраться наконец в статусе прозрачных и полупрозрачных границ. А зарплату желают получать исключительно белорусскими зайчиками.

С успехом прошла губернская выставка-шоу декоративных собак. Основной спонсор выставки — фирма «Арнольд Богатиков и сыновья». На рингах можно было видеть самых элитных собак — представителей шестнадцати пород. Гран-при был присужден персидскому коту Чиппо (владелец — А. Богатиков).

От нашего соб. кора В. КУЗИНА, г. Воронеж.

Из афоризмов одной собаки

- В любой своре есть свой сукин сын!
- Всяк из нас готов костями лечь за сахарную косточку.
- Мы, собаки, тоже мечтаем освободиться от цепей!

Подслушал Г. ВАСИЛЬЕВ, Мурманская область.

ШАРИКИ

Врач призывной комиссии признает Брауна годным к строевой службе.

- Но я же плохо вижу!
- Ерунда, — говорит врач. — Вчера, например, я признал годным практически слепого человека.
- О Господи! И этот слепой — в армии?
- К сожалению, мои коллеги не пропустили его. Дело в том, что у его собаки-поводыря плоскостопие.

- Как это получается, что в карты он всегда выигрывает, а на собачьих бегах — никогда?
- Но ведь тасовать собак ему никто не позволит.

- Чукча купил грузовик «КамАЗ».
- Ну как машина? — интересуются соседи.
- Очень хорошая! Глаза светят далеко-далеко в тундру. Внутри мягко, тепло. Одно плохо, однако: собаки быстро устают...

- Это милиция? Я прошу защитить мою собаку! Почтальон забрался на дерево в нашем дворе и дразнит ее!

Прислала А. ЮМАТОВА, г. Орел.

О. МОНАСТЫРСКИЙ, «Перец», г. Киев.

— Мы за нашего Лордика столько отвалили, что на ночь приходится запирать его в сейф!

ХАРРИС, США.

ПРИЗ ЗА ЛУЧШУЮ ЛИНЮЧЕСТЬ

НАМ ГОВОРИЛИ, ЧТО ЭТО КОМПАТНАЯ ПОРОДА СОБАК, НО НЕ ПРЕДУПРЕДИЛИ, ЧТО ОНА ЗАЙМЕТ ВСЮ КОМНАТУ...

С. КОНДРАТЬЕВ, г. Архангельск.

В № 3 рассказывалось о воре, попавшем в квартиру к молодоженам, где, как оказалось, совершенно нечем было поживиться. Мы задали вопрос: что же такого сделал вор, отчего хозяева, узнав о его визите, не только не расстроились, но были приятно изумлены. Отвечаем: мало того, что вор ничего не украл, он еще оставил молодоженам записку: «Примите мои искренние поздравления!» И вместе с несколькими крупными купюрами положил под свадебную фотографию.

БАШ НА БАШ

Будьте любезны: новинка из уголовной практики — встречное похищение человека! Так сказать, шаг вперед в преступном мире!

Началось-то все заштатно: одна шайка взяла в заложники президента коммерческого предприятия. И потребовала,

как водится, от семьи несчастного выкуп — 5 тысяч долларов. Но не учли разницы, что в данной семейке числились не только жена, несовершеннолетние дочери и тому подобный слабый пол. У похищенного имелось еще и четыре далеко не слабых брата. Все они проживали по соседству, а двое с юношеских лет занимались тяжелой атлетикой. Толкали штангу в разных весовых категориях. Весовые-то категории у них были разные, а мыслительные — равноценные. Узнав о похищении брата, они в один голос воскликнули: «В милицию обращаться не станем, сами восстановим справедливость!»

Как уж братья напали на след похитителей, одному Богу известно. Но факт, что на другой день они уже знали фами-

лию и адрес их главаря. Правда, где прячут похищенного, выяснить не удалось, поэтому братья, поразмыслив, решили прибегнуть к тому же оружию. Они выкрали тестя главаря, кстати, тоже коммерсанта, и, когда последовал очередной звонок с требованием выкупа, зятю передали привет от тестя. И добавили: — Меняем его на брата. Но раз уж тесть у тебя такой старый, хромой и плешивый, а наш братан — парень хоть куда, получи к тестюшке свои паршивые пять тысяч зеленых!

На этом и сошлись. Похитители брата получили тестя и пять тысяч долларов, а встречные похитители тестя — только родимого братца как такового.

Вопрос: почему братья пошли на такой неравноценный обмен?

КРОКОДИЛ

Журнал сатиры и юмора

№ 5 (2761) май 1994

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Алексей ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Наталья БУХАЛЁВА (ответственный секретарь), Борис ЕФИМОВ, Лидия ЖЕСТКОВА, Михаил КАЗОВСКИЙ, Владислав ПОБЕДНОСЦЕВ (зам. главного редактора), Эдуард ПОЛЯНСКИЙ, Святослав СПАССКИЙ (главный художник).

КОЗНИ III ОТДЕЛЕНИЯ

В 1852 году, вскоре после смерти Гоголя, Тургенева арестовали, а затем и сослали в Спасское за то, что он опубликовал в Москве статью о великом сатирике, запрещенную в Петербурге. Кстати, Ивана Сергеевича предупреждали о рискованности подобного шага, на что писатель отвечал: «За Гоголя я готов сидеть в крепости». Эта фраза дошла до III Отделения. Шеф жандармов Дубельт, как-то встретив Панаева, сказал ему со своей обычной улыбкой:

— Одному из сотрудников вашего журнала хотелось посидеть в крепости, но мы лишили его этого удовольствия!

ФРАНЦУЗАМ ЭТОГО НЕ ПОНЯТЬ!

Французский журналист, совершивший в 1914 году путешествие по США, писал в одной из парижских газет:

«Американские торговцы придумали, как освободить своих покупателей от утомительного неудобства делать покупки в сопровождении маленьких детей: их просто сдают швейцару под номерок!..

Любопытна функция «продавца для недоразумений». Когда недовольные чем-нибудь покупатели обращаются в контору магазина с жалобами, то обычно приходится вызывать того или иного служащего, не угодившего клиенту, а для успокоения последнего виновному читается нотация, и он рассыпается в извинениях. Но ведь неудобно отрывать людей от дела, и вот хитроумные американцы завели специального человека, который отдувается за всех: он усердно объясняется и приносит свои извинения. И все благополучно сходит, потому что разве упомянешь, какое лицо было у провинившегося продавца, когда их там так много».

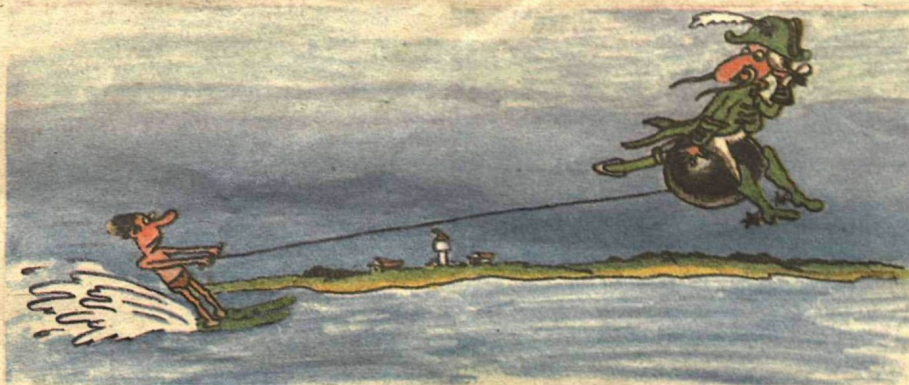

СЫТЫЕ МУХИ

Римский император Тибериус очень редко менял чиновников, говоря: «Когда мухи вдоволь наедятся, то они уже не так сильно кусаются».

Прислали москвичи
А. БЕЙЛИН и В. СУРМИЛО.

В. ЛУГОВКИН.

ОЧЕПЯТКИ

Общезнание.

А. АНИСЕНКО,
Пензенская область.

Кассовое сознание.

Не видеть дальше собственного босса.

Племенные революционеры.

Дегенеральный секретарь.

Владислав БАБОШИН,
г. Санкт-Петербург.

Слаба КПСС!

Завирально-демократическая партия.

Генрих ЛЯТЬЕВ, г. Москва.

Перетраховщик.

Борис СИДОРОВ, г. Ашперонск.

Сергей САТИН

ОХОТНИЧИЙ СЕЗОН

Павлу ХМАРЕ

То не дед в избе недужит,
то не девица поет —
в синем небе майском кружит
перехватчик-самолет.

Весь упругий, словно мячик,
— что за резвость! что за прыть! —
бьет копытом перехватчик,
ждет, кого б перехватить.

То крадется он украдкой,
то кидается стремглав...
А внизу пацан с рогаткой
затаился среди трав.

Против лома нет приема;
бац под хвост — и все, ку-ку...
Хорошо, видать, знакомо
это дело пареньку.

По деревне шагом чинным
он с добычей идет.
— Ну чего, Степан, с почином? —
вслед ему кричит народ.

Он с застенчивой улыбкой
им в ответ: мол, ерунда!
Перехватчик в мае хлипкий,
в сентябре — вот это да.

А свидетель первых стачек,
древний дед прошамкал: — Ни-и,
рази это перехватчик?
То ли дело в наши дни!..

€ € €

Буря мглою небо кроет.
Мрак и ветер. Снег и лед.
Одинокий гуманоид
в подворотне слезы льет.

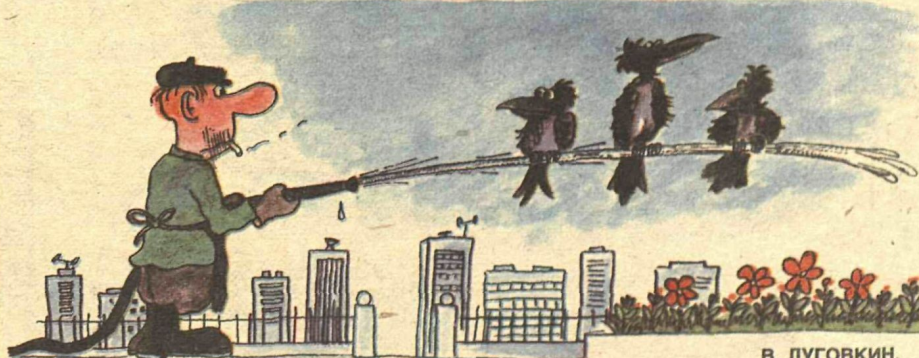
Душу жжет обиды жало.
Обошлись жестоко с ним.
От него жена сбежала
с гуманоидом другим.

Ах, везде одно и то же:
ты никто, а у того
и скафандр подороже,
и тарелка о-го-го.

До того крутой, собака,
что в тюрьму б — и все дела!
Два СП в созвездье Рака,
три — в созвездии Орла...

Что сказать тебе, земля?
Чем помочь твоей беде?
Видно, бабы в самом деле
одинаковы везде.

Ни мозгов у них, ни чести...
Плюнь, старик! Забудь о ней!
Выпьем с горя. Выпьем вместе.
Сердцу станет веселей.

В. ЛУГОВКИН.

ТРУДНО ПОВЕРИТЬ

Да, невозможно верить, что его больше нет с нами — этого жизнерадостного, неутомимого, неисчерпаемо инициативного человека, талантливого художника-сатирика, всегда заряженного неким постоянным током творческого напряжения. Мне трудно поверить, что больше и я не услышу по телефону знакомый голос с мягким украинским произношением буквы «г»:

— Доброе утро. Говорит Эм Абрамов. Слушайте. Мне пришла в голову гениальная идея...

Признаюсь, обычно я выслушивал очередную его задумку довольно скептически, но скоро, как правило, становился свидетелем, а часто и участником успешного воплощения ее в жизнь. Это мог быть и удачно найденный сюжет для карикатуры или плаката, и проект издания совместного сатирического альбома, и организация выставки отечественного или зарубежного карикатуриста в фойе кинотеатра «Фитиль», и идея устройства в Москве Дома-музея сатиры и юмора, и многое, многое другое. Утренний звонок Абрамова мог быть и предложением составить ему компанию в дальних заморских плаваниях, до которых он был страстный охотник, повидавший чуть не всю планету от Японии до Панамы, от Венеции до Шпицбергена и привозивший плоды этих странствий — острые политические карикатуры, жанровые юмористические зарисовки, тонкие пейзажные акварели.

Марк Александрович Абрамов был настоящий сатирик-боец, публицист, агитатор, патриот, неутомимо сражавшийся оружием своего незаурядного мастерства в годы Великой Отечественной, а потом и «холодной» войн. Он моментально откликался на все злободневные события острыми рисунками. Только в «Крокодиле» были напечатаны сотни таких рисунков. Он был и добрый, отзывчивый, всегда готовый прийти на помощь в трудную минуту товарищ и друг. Неустанный работяга и труженик, до последнего часа одержимый идеями и планами новых работ, выставок, путешествий...

Бор. ЕФИМОВ.

Художественный редактор Диана МАЗУР.
В оформлении номера участвовал
В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ.

Редакция знакомится со всей поступающей почтой и ведет переписку по мере необходимости. Присланные литературные и изобразительные материалы не рецензируются. Рукописи меньше 2 авторских листов не возвра-

щаются. Перепечатка из «Крокодила» допускается только со ссылкой на журнал и с разрешения редакции.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

фельетонов — 250-46-68, литературы — 250-16-63,
художественного — 250-09-70, распространения — 257-35-47.
Приемная — 257-31-14.

Сдано в набор 21.03.94. Подписано к печати 25.03.94.
Формат бумаги 70 x 108½. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 11,20. Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 244 300 экз. Зак. № 1322.
В розницу цена договорная.

Журнал зарегистрирован Министерством печати
и массовой информации России.
Свидетельство № 01535.

Типография издательства «Пресса», 125865, ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© «Крокодил», 1994.

КРОКОДИЛ

№ 5 • 1994

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Друг сердечника. 6. Одноместный конь О. Генри. 9. Театральное меню. 12. Олимпийский поджигатель. 13. Каменная точилица. 14. Купюрный звук. 17. Кавалер-колодник. 18. Первоисточник «Поля Чудес» (детск.). 19. Творец сладкой жизни. 20. Тарифная собака. 25. Газ, леденящий душу холодильника. 26. Легендарный погонщик телят. 27. Планета в кроссовках (ТВ-рекл.). 30. Горизонталь в возбужденном состоянии. 31. Радостное последствие задокументированного брака. 32. Подметный мастер (уличн.).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Армада кораблей пустыни. 2. Дитя гор. 3. Литературный толстяк (жанр). 4. Основная составляющая раздутого штата. 7. Пещерная открывалка (сказ.). 8. Место, где у путан гнездо. 10. Специалист по снятию сливок (механич.). 11. Обрусевший термометр. 15. Вдохновение, которое может скопиться. 16. Половинка модных штанов. 21. Подзаборная сеча (ботанич.). 22. Классное седалище. 23. СКВ с почтовым оттенком. 24. Синячок под глазом. 28. Близкая родственница ивы. 29. Любимое мужское имя КПСС.

Составил Н. АЗАРОВ, г. Рязань.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Пульхерия. 5. Утопленница. 9. Загоскин. 10. Моголь. 12. Коляска. 13. Кисей. 14. Диканька. 17. Копейкин. 18. Пацюк. 20. Магазины. 21. Яичница. 23. Казак. 25. Визит. 26. Виссарион. 29. Рысца. 30. Рога. 31. Мост. 33. Инок. 34. Мартобрь. 35. Вий. 36. Льгота. 37. Хитрован.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Гусак. 3. Люлька. 4. Италия. 6. Полячка. 7. Ассигнация. 8. Шинель. 10. Муха. 11. Бобчинский. 14. Добчинский. 15. Кака. 16. Сказка. 18. Портрет. 19. Кобзарь. 20. Майор. 22. «Игроки». 23. «Красота». 24. Алов. 27. Ночь. 28. Сталин. 32. Сало.

**Кто сказал,
что подписка
на «Крокодил» дорогая?**

**СТОИМОСТЬ ЕЕ
НА ПОЛУГОДИЕ —
ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ
КИЛО «КРАКОВСКОЙ»
КОЛБАСЫ (7.200),
А НА КВАРТАЛ —
ОДНИ ИМПОРТНЫЕ
КОЛГОТКИ (3.600).**

**Но колбаса съестся
в присест,
а колготки разорвутся
за день.
Зато «Крокодил»
будет радовать
долго-долго!**

Царь нужен России в головах, а не на престоле.

Дурака проще свалить, чем свалить.

Георгий КОВАЛЬЧУК,
г. Москва.

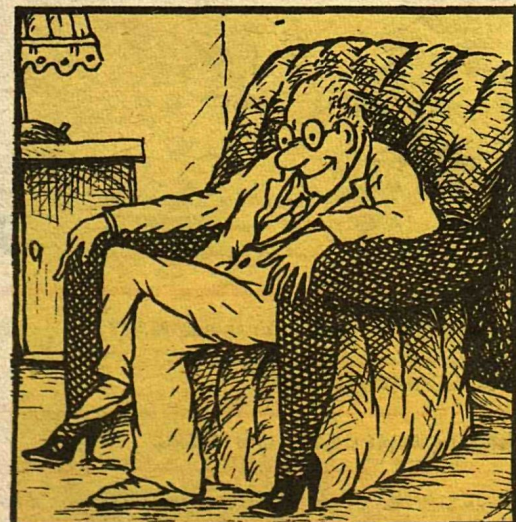
НА КОНКУРС «ЕЩЕ СМЕЕМСЯ»

М. КУЗЬМИН, г. Самара.

В. ЗИНОВИК, г. Бахчисарай.

В. СЕМЕРЕНКО, г. Санкт-Петербург.